

Стейси Вуд

ЧЕРНОВИК
ЖИЗНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стейси Вуд

Черновик жизни

<https://litres.ru/71378290>

SelfPub; 2024

Аннотация

Казалось бы, они из одного мира. Но они такие разные. У каждого есть своя тайна, у каждого своя боль и разочарование. Но что если им объединиться во имя спасения друг друга? Что если им объединиться против одного врага?

У Дженнифер была работа, любимый жених и понимание, чего она хочет от жизни. Но все рухнуло в один момент. Теперь она другая: жесткая, закрытая, живет только одной работой. И именно она знакомит Джен с Кристофером.

Крис - порядочный коп, который ставит значок превыше всего. В его делах всегда все четко, он действует слаженно. Но одно неловкое решение, и он поймал пулю на важном задании. Первую и единственную за 15 лет службы. Крис этого так не оставит.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	55
Глава 9	61
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	82
Глава 13	89
Глава 14	96
Глава 15	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Стейси Вуд

Черновик жизни

Пролог

13 мая 2010 года

Форт-Нокс, в 30 милях к юго-западу от Луисвилла, штат Кентукки

– Включаю камеру. Запись идет?

Седой мужчина лет шестидесяти в застиранной униформе поворачивает штатив в сторону девушки, сидящей в углу комнаты на бетонном пустом полу. На ней только светлая футболка и потертые джинсы. Даже обуви нет. Или носков. В комнате стоит еще один сопровождающий. Тот кивает, подтверждая, что красный огонек в углу камеры мигает исправно.

– Начинаю допрос по делу 2010863. Я – Гарольд Пирс, офицер военной разведки США. В правом углу находится Дженнифер Лесли Майер, офицер медицинской службы военно-воздушных сил США.

Девушка поднимает на него пустой взгляд, в котором сложно что-либо прочесть. Она выглядит отстраненно, словно находится не здесь. Кроме стола и установленной камеры

есть два стула, но занят только один. Девушке будто удобнее находиться на холодном полу. Она даже не пыталась присесть, а когда зашла, сразу же направилась в угол. С другой стороны ей с этого ракурса открывается прекрасный обзор. Ее зеленые глаза считывают каждое движение, которое происходит в этой комнате.

– Дженнифер, – офицер привлекает внимание девушки к себе, – мне нужно, чтобы вы подтвердили свою личность.

После паузы он добавляет:

– Хотя бы кивните, что вы меня слышите.

Ответом служит еле заметный кивок, поэтому Пирс продолжает.

– Вы понимаете, где вы находитесь?

Еще один кивок.

– И вы понимаете, в чем вы обвиняетесь?

Девушка медленно поднимает голову выше и фокусирует взгляд на офицере. Наконец она поднимается с пола и подходит к столу. Пирс незаметно напрягается и чуть выпрямляет спину, но девушка все замечает.

– Офицер Гарольд Пирс, – протягивает девушка, будто смакуя словосочетание имени и должности, – Я прекрасно осознаю, почему и для чего я здесь. Вам не на кого повесить всех этих жертв. И вы решили, что я стану козлом отпущения?

Пирс сглатывает, но не отвечает ей.

– Вы хоть представляете, что именно они со мной вытво-

ряли? Вы бы там и секунды не прожили. Сидите здесь в офисе, весь такой важный в своем грязном костюме. Могли бы попросить свою жену постирать. Да, да. Я вижу, что вы женаты. Вы можете сколько угодно снимать перед допросами и прятать свое кольцо, но полоска на пальце вас выдает.

– Дженнифер, присядьте, – Пирс указывает на свободный стул.

– Хотите подкупить меня своей напускной добротой?

– Я вам не враг.

– Да, я помню. Меня инструктировали перед командировкой, что враги все там. И вот я здесь. Спустя 249 дней. Живая и не тронулась умом, к сожалению для вас.

– Вы могли бы рассказать подробнее, что произошло?

– Нет, – девушка отрицательно качает головой. Она все еще не присела. А стоит напротив Пирса, скрестив руки перед собой. Второй офицер все это время держит правую руку на кобуре. Девушка поворачивает голову, смотрит прямо ему в прищур его серых глаз, отмечая что пульсирующая венка у виска вот вот лопнет от неприязни, и усмехается.

– А говорите, что вы мне не враг.

– Салли, успокойся, – и второй офицер опускает руку, послушавшись высшего по званию.

– Почему вы не хотите рассказать, что случилось?

– Потому что вы мне все равно не поверите.

– А вы попробуйте.

– Гарольд, я не идиотка. И как вы верно заметили, я все

еще офицер. Такой же, как и вы. И пусть я военный врач, я прекрасно знаю все уловки и весь алгоритм допроса. Меня этому обучали тоже.

– Я просто пытаюсь разобраться. Весь батальон погиб, вас держали в плену...

Договорить он не успевает, потому что девушка резко ставит руки на стол и наклоняется к нему.

– Двести гребанных семнадцать дней меня подвергали психологическому и физическому насилию. Больше семи месяцев я провела в аду. Меня кормили чуть ли не помоями раз в день. Из одежды у меня была тонкая сорочка до колена, а температура не поднималась выше 15 градусов. И никакого одеяла или хотя бы тряпки. Я не спала дольше получаса каждый день. И каждый раз меня будили, проверяя, не сохла ли я. Они никогда не выключали свет, но окон у меня не было. Я спала на полу, а в моей камере нельзя было лечь или встать в полный рост. Во мне метр шестьдесят пять, чтобы вы знали. А где были вы? Спали на своей мягкой постели, обнимая жену? Встречались со своими друзьями за пинтой пива в баре по пятницам? Или вы, – она обращается к Салли, – что вы делали, чтобы найти и вызволить меня оттуда? Какого черта женщина сама о себе позаботилась?

В комнате наступает громкая тишина. Слышно даже, как стрелка с наручных часов Пирса отсчитывает секунды.

– Мне жаль, что с вами это произошло, Дженнифер.

– Да ни черта вам не жаль.

Девушка наконец садится и проводит рукой по своим длинным иссиня-черным волосам.

– Я расскажу вам все только один раз. Но после этого вы обязаны либо предъявить мне обвинение с доказательствами, либо отпустить. Но я сомневаюсь, что у вас есть хоть что-то против меня.

– Это мне решать, – говорит Пирс и стучит уголком папки по столу.

– Дайте угадаю, там белые листы, и весь этот маскарад должен был напугать меня и подписать все что вам нужно? Не выйдет.

– Я вас слушаю, Дженнифер. Расскажите все, начиная с того, как вы зашли на военный борт, чтобы отправиться к отряду в Багдад.

Глава 1

Дженнифер

Спустя 8 лет, наши дни

Нью Йорк, штат Нью Йорк

Я когда-нибудь прибуду нашего кадрового служащего. Если ты взялась работать с персоналом, будь добра следить за графиками, отпусками и больничными. Я отработала свою восемнадцатичасовую смену. И теперь замещаю Мариссу на скорой помощи. Моя квалификация в разы выше, но сейчас я заступаю на еще двенадцать часов смены фельдшера. И все из-за Клаудии Сун, которая даже не удосужилась перепроверить штат больницы перед выходными. Ведь знает же, что в пятницу по воскресенье в Нью Йорке самое сложное время. Даже напарника мне не дала! Ненавижу всей душой.

Иду в свой кабинет и переодеваюсь в другую форму. Надеваю этот дурацкий колпак, медицинскую маску, беру медицинский чемоданчик и направляюсь в сторону кофейного аппарата. Спускаюсь в одиночестве на лифте в кафетерий, до начала смены у меня есть семь минут. Это даже больше, чем в прошлый раз. Конечно, двойной американо не вернет меня к жизни, но зато позволит держать мои глаза открытыми до восьми утра. По крайней мере я на это надеюсь.

– Эй, Джен, стой, – меня окликают доктор Стэн. А еще

между врачами его называют лживой задницей. За глаза он только и делает, что подставляет коллег, при начальстве ука- зывает всем на ошибки и тычет уборщиц за каждую пылин- ку в их трудовой договор. Почему он все еще в нашей боль- нице? Да потому что он первоклассный хирург. После меня, разумеется. Нет, это не неприкрытая скромность. Я действи- тельно хороша. Работаю вот уже пять лет, ни одного леталь- ного исхода. Все уходят на своих двоих.

– Ты что-то хотел? – Интересно, этот чертов аппарат мо- жет еще медленнее наливать мне кофе? Хотя это даже ко- фе назвать сложно. Что-то отдаленно похожее на настоящий американо. Аппарат брызжет и несколько капель попадает на мой чистый светло-голубой халат. Прекрасно.

– Ты домой?

– Нет.

Стэн переминается с ноги на ногу, его глазки-бусинки ме- чутся от меня к кофейному аппарату и обратно. Он совер- шенно обычный и непривлекателен для меня. Вот насколько можно представить среднестатистического жителя Нью Йор- ка, работающего в больнице – это доктор Ларри Стэн. Худой высокий мужчина с короткой темной стрижкой, близко по- саженные голубые глаза, гладковыбритое лицо. Снова одер- гиваю себя, что за три секунды успела просканировать его. Никак не избавлюсь от этой привычки. Заметила, что слева он пропустил несколько волосков на подбородке, и теперь это пятнышко то и дело притягивает взгляд. Еще у него ото-

рвана верхняя пуговица на клетчатой рубашке, в которую он переоделся после смены.

Размещаю немного сахара на дне стаканчика и поворачиваю в сторону отделения скорой помощи. Надеюсь, Гаррет, наш водитель, сегодня будет в настроении, иначе я опять всю ночь буду слушать, как он ворчит от недовольства ко всему, что существует в мире. Мне даже не нужно поддерживать диалог, он говорит сам с собой, ругаясь на весь свет.

– Джен, – догоняет меня Стэн, – Я хочу забрать у тебя Бекку Адамс, случай интересный. У нее обширная история медицинских проблем, легочный фиброз. В моей практике такого еще не было.

– А у меня было. Именно поэтому это моя пациентка. Разговор окончен, Стэн.

Я выхожу сквозь главные двери и поворачиваю в сторону соседнего корпуса на парковку служебных машин. Вдыхаю прохладный вечерний воздух. Интересно, когда я последний раз просто так прогуливалась домой пешком или гуляла по Центральному парку? Лет десять назад или около того. Сейчас же у меня в голове одна работа и безымянная морская свинка. Психотерапевт настояла, чтобы меня дома кто-то ждал, чтобы мне было о ком заботиться. Можно подумать, на работе я мало забочусь. Но я не стала спорить. И иногда мне правда нравится, что мы с моей морской свинкой смотрим ситкомы, я комментирую диалоги так, будто она действительно меня понимает.

Прохожу по парковке и замечаю Гаррета, который как раз докуривает сигарету и показывает мне свое запястье. К слову, на нем нет часов, но он так стучит по сгибу руки, будто там сейчас появятся стрелки. Сверяюсь с телефоном, нет, я не опоздала.

– У меня есть еще две минуты, Гаррет, – я складываю чемоданчик в кабину и допиваю этот мерзкий двухдолларовый напиток.

– Чувствую, будет беспокойно.

– Ты всегда так говоришь, но у нас бывают и тихие смены.

– Софи смотрела сегодня в шар!

Да он издевается надо мной! Его племянница ударилась в ясновидение, и теперь каждый день составляет прогноз своему дядюшке, который лопает эту лапшу с большим удовольствием.

– И что там? – Мне абсолютно неинтересно. Но если я сейчас промолчу или посмеюсь, все двенадцать часов я проведу с недовольным стариком.

А мне уже хватило общения с парой родственников моих пациентов. Каждый раз я говорю о том, что им важно доверять мне и моим решениям. Из нас только у меня есть диплом врача и миллион часов практики. Но, как правило, когда нужно принять четкое решение, семья пациента забывает о наличии рациональности и своих мозгов. Сегодня я дважды разбиралась с одной и той же матерью, которая решила, что она лучше разбирается в расстройстве пищевого поведе-

ния своей дочери. Если бы она понимала суть, я бы не везла сегодня Никки на операционный стол подшивать брюшную стенку. Именно это я и сказала ее матери, на что в ответ меня вызвал заведующий отделением хирургии и показал письменную жалобу от нее. Да и плевать. Пусть сложит к остальным. Или уволит меня.

– Говорит, неблагоприятный день сегодня.

– А в нашей работе бывают благоприятные?

– Попомни мои слова, мы с тобой еще поработаем сегодня.

– Садись уже, Гаррет. И загружай давай диспетчерскую волну. Ровно восемь, – я пристегиваюсь, нажимаю на кнопку включения, объявляю Элли, нашему вечернему диспетчеру, что мы готовы выезжать.

Минут пять ничего не происходит, Гаррет стучит пальцами по рулю и пытается свистеть в такт какой-то очередной попсовой песне, играющей по радио. Я же просто смотрю в даль, а потом прикрываю глаза, чтобы хоть немного отдохнуть.

– Два-Семь-Дельта запрашивает скорую помощь и желательно хирурга, Джен, это направляю вам, – это кодовое название, если в вызове замешана полиция города.

– Что там?

– Огнестрел, три выстрела. Угол Восьмой и Пятнадцатой, рядом с выходом метро. Ранен полицейский, – небольшая пауза, а я сижу затаив дыхание, – Повторяю, ранен один по-

лицейский.

– А я говорил, Софи смотрела в шар, – напоминает Гаррет.

– Ой, заткнись уже, поехали.

Гаррет включает сирену, и мы выезжаем с парковки, направляясь в пятничный шумный город. Если этот коп не выживет, то у нас будут большие проблемы. Черт, а я всего-то хотела побыстрее закончить эту смену.

Глава 2

Крис

– Брайан, держись левой стороны здания, Соьер – ты со своими встречай гостей с черного входа. Эдди? Где этот пацан? Эдди, твою мать! – Шиплю я в рацию.

Нам до начала операции осталась минута. Где его носит вообще? Капитан Дрейк мне как отец, мы с ним многое прошли вместе, закрыли разных уродов, накрыли кучу банд. Я научился у него всему, что знаю. Готов пулю за него словить. Но за каким-то чертом он решил, что я тоже хочу быть наставником, и с утра меня вызвал к себе в кабинет, чтобы обрадовать, что его племянник закончил Полицейскую Академию. А значит теперь он будет работать в его участке. Потому что Марселла, сестра Капитана, настояла на этом. И именно мне придется за ним приглядывать. Только я совсем не понял, почему я должен был брать его сегодня вечером на операцию по захвату членов мафии. Мы с моей командой этот план продумывали больше трех месяцев, все искали подходящего момента, выжидали, следили. Была у нас уже одна попытка год назад накрыть главаря с его подручными. Потеряли трех детективов. В этот раз такого не должно повториться. Эдди этот же даже документы оформлять правильно не умеет, пистолет не держит, как надо. Чем он мне

тут пригодится?

Я и так был на взводе с утра, когда наш агент под прикрытием наконец подтвердил, что тут состоится передача денег, которые члены мафии успели отмыть в прямом смысле этого слова. А тут еще этот племянничек, который шарится теперь у черта на рогах. Если он сейчас же не явится, я поступлюсь нашей дружбой с Капитаном, просто вышвырну мальчика за дверь участка.

Спустя секунд пятнадцать прибегает запыхавшийся Эдди.

– Где. Ты. Был? – Мне кажется, от моего разъяренного вида шарахаются даже мои детективы из команды, с которыми мы вместе служим вот уже семь лет каждый день.

– Я просто забыл надеть бронежилет, – виноватый тон заставляет меня лишь на секунду задуматься, что может я перегибаю. Быть может надо было чуть мягче с ним обходиться. Но мы ведь не просто практику в архиве проходим, так? Мы, мать его, на задании. И если сейчас хоть что-то пойдет не так, вся операция просто рухнет. Это не просто какая-то шайка хулиганов, которые покупают оружие по дешевке. Это целая мафия с Харрисом Уайаттом во главе. Он промышляет не только финансовыми махинациями, а еще подпольным игорным бизнесом и торговлей информацией и защитой, включающей самые жестокие методы. И Уайатт точно не успокоится, пока не узнает, кто его сдал. Потому что еще он обвиняется в самых безжалостных убийствах, но, к сожалению, пока недоказанных. И тогда нашему Лоусону, аген-

ту под прикрытием, не жить. Он и так уже пару раз за два года работы сильно подставлялся из-за того, что сливал нам информацию, за ним теперь шестерки присматривают усерднее. Он утром сменил три такси и два кафе, чтобы передать записку одной из официанток, которая у меня в долгу.

– Ты идешь со мной. Не лезешь вперед. Четко выполняешь все, что я скажу. И если я тебе скажу, чтобы ты прятался, ты сделаешь это. Если я скажу тебе стрелять, ты будешь стрелять. Если я тебе скажу бежать, ты побежишь так быстро, как никогда раньше. Понял меня?

В ответ получаю утвердительный кивок. А через секунду он все же задает вопрос:

– В Академии нас инструктировали, как себя вести на подобных заданиях. И все же говорили, что иногда можно не следовать инструкции. Что мне делать, если они меня схватят? – Именно сейчас он начинает меня раздражать.

– Предотвратить это. Все, пошли, пошли!

Здесь не только моя команда из отдела убийств. Еще парни из Агентства по борьбе с финансовыми преступлениями. И по-хорошему они здесь главные, но члены мафии не только поправляют свое финансовое положение, но еще и занимаются производством и сбытом контрафактной продукции по районам города. А еще заматают следы. Очень хорошо заматают следы. Восемнадцать трупов за два года только работы Лоусона. Стольких мы нашли и связали с Уайаттом. А сколько еще пострадало людей – неизвестно.

Мы обходим одноэтажное обшарпанное здание бывшего жилого дома. Вроде центр города, но таких домов у нас огромное количество. Кто его знает, что за стенами каждого из них творится на самом деле. Говорят, что скоро его снесут и построят новый ресторанчик. Идеальное место, чтобы пересидеть приспешникам Уайатта, хранить там товар или встречать высокопоставленных гостей для вечерней карточной игры, где ставки слишком высоки. Это здание пустует вот уже несколько месяцев, с улицы никогда не поймешь, что там никто не живет или творится что-то незаконное.

Я то и дело отвлекаюсь на Эдди, мне все время кажется, что он шагает слишком громко. Мне нужно быть более сконцентрированным на том, что меня ожидает за этой массивной серой дверью, я немного притормаживаю, а Эдди нет. И он врывается в меня всем своим телом. Я разворачиваюсь, ничего не говорю, но надеюсь, что мой взгляд будет куда красноречивее. Ну, почему этот идиот именно сегодня пришел в участок?

Слышу как Сойер и еще пара оперативников заходят с черного входа, кого-то заметили и выпустили две пули в воздух, третья кого-то задела, судя по воплям. Брайан должен следить за периметром с левой стороны, справа вошли мы с Эдди. У парадного входа парни из финансовой разведки США. Я молча показываю ладонью, чтобы мой подопечный остановился и ждал следующей команды. Приоткрываю дверь, чтобы оценить обстановку. Вижу перевернутые столы,

сумки с деньгами и оружием побросали, а сами члены мафии и их помощники явно где-то прячутся. Тут стоят какие-то стеллажи с ящиками для документов, но запах гари ударяет в нос. Понимаю, что нашим экспертам придется потрудиться. Столы залиты чем-то ядовито-зеленого цвета, разбитые компьютеры и раздавленные флешки валяются на полу. Они убегали в спешке. Это очевидно. Почему у меня четкое ощущение, что их предупредили буквально недавно?

Я ступаю дальше, под ботинками хрустит стекло. Оно просто повсюду. Звук заметный, это нехорошо. Нутром чую, что ушли не все. Не могли бы они так просто оставить нам свое логово. Чуть торможу и продолжаю осматриваться. В руках пистолет. Он, как продолжение моей руки, палец на курке. Чуть что, сразу буду стрелять, максимум предупрежу.

В здании тишина. Кажется, Сойер вывел тех, кого они взяли. Это все? Так просто? Не верю. Иду дальше и захожу в следующую комнату. Она гораздо больше, но в ней абсолютно пусто. Голые бетонные стены и серый пол. Окна наглухо закрыты, даже не слышно, что происходит на улицах. А у нас достаточно шумный город.

Прислушиваюсь к отсутствию звуков, но спокойствием и умиротворением не веет. Двигаюсь вперед, остается только одна комната впереди, точно такая же дверь прикрыта, но ручка очень легко поворачивается. Я открываю, быстро осматриваю пол на предмет протянутых проволок, которые если задеть, то все здание и люди превратятся в пыль после

взрыва. Одно неаккуратное движение, и я труп. Чисто. Выдыхаю. Здесь еще больше металлических стеллажей подобных тем, что стояли в первой комнате. И они все завалены бумагой. Точнее тем, что от нее осталось после пожара. Вонь от бензина и серы все еще стоит в воздухе. Копоть на стенах чувствую прямо кожей. Неплохой пожар они тут устроили. Но криминалисты все равно осматривают каждый дюйм этого дома.

Возвращаюсь в самое начало к Эдди, который уже стоит посреди второй пустой комнаты и озирается по сторонам.

– Ты какого черта вышел из укрытия? Я сказал тебе, быть там!

– Ты пошел, и тишина. Ну, я и решил, что все спокойно. Пошел проверить.

– Проверил? – я готов ему сейчас врезать, ярость закипает. Полное неподчинение приказам, наплевательское отношение к команде. И это только десять минут он здесь.

– Ну да, – Эдди улыбается и озирается по сторонам, очевидно гордится собой и не понимает, почему я взбешен.

– Пойдем на воздух, пока я тебя здесь не оставил навсегда, – и я начинаю выходить из здания.

– Что значит оставил? – Эдди бежит за мной, злость немного отпускает. Я поворачиваюсь и смотрю на него, даже хотел что-то ответить без сарказма, но я слышу хлопок и слегка кисловатый запах заполняет коридор. Отталкиваю Эдди без раздумий в стену. А в боку ниже ребер начина-

ет нестерпимо гореть. Твою мать, как же жжется. Хватаюсь рукой за рану и вижу, что кровь начинает слишком быстро течь. Это вообще нормально? Так должно быть? В глазах мутнеет, и я валюсь на пол. Пуля. Сраная первая пуля за пятнадцать лет службы. И все потому, что я отвлекся.

Глава 3

Крис

Так выглядит смерть? Просто чернота вокруг? Ко мне никто не выйдет в белом и даже не пригласит в прекрасный иной мир? Если я так нелепо умру сейчас, Китти меня не поймет и не простит. В это мгновение мысли только о ней. Не о работе, не о команде, только о моей Китти.

Голова тяжелая. Глаза разлепить не могу даже, слышу только, как Эдди орет что-то то ли в рацию, то ли уже парням на улице. И снова проваливаюсь в темноту.

Вспышка. Замечаю Сойера, склонившегося надо мной. Он надавливает мне на бок, а я морщусь от боли. Готов поклясться, что гримаса сейчас на моем лице не из приятных.

– Спокойно, Райт, держись, скорая уже едет. Запросил хирурга к медикам, – Сойер лучший в своем деле, бывший снайпер, его ничего уже не удивляет, повидал многое. Но сейчас его голос дрожит. Здоровый взрослый мужик переживает за меня? Дело, видимо, плохо. Хочу ему ответить, что у нас еще столько дел впереди, но меня снова отрубает.

Вспышка. Женщина врач или кто она там светит мне фонариком в глаза, а я мотаю головой.

– Живой, – заключает она. Все четко, без лишней драмы. – Сейчас я посмотрю, что у тебя там, – продолжает она.

Начинает прощупывать мне бок, давит немного на живот, а мне чертовски больно. Жжение не проходит. От каждого касания становится только хуже, словно тысяча иголок вонзается под ребра. Рычу на нее и на все вокруг, но она даже не морщится.

– Входное есть, выходного отверстия нет. Сейчас поедем. Гаррет, передай, чтобы готовили операционную. Здесь я его не зашью, только время зря потеряем. Пуля задела аорту, – дает указания врач.

Дальше я уже не слышу, чувствую резкое головокружение и снова отключаюсь.

Вспышка. Стоит приложить усилие, чтобы открыть глаза. За мной наблюдает все та же зеленоглазая врач. Больше-го я не вижу, только ее маска и колпак этот странный. Ей вообще удобно в нем? Противная слабость мешает сосредоточиться на обстановке. Но я все равно пытаюсь повернуть голову. Мы еще едем в машине скорой помощи, звук мига-лок бьет по мозгам.

– Не шевелись, я тебе обезболивающего вколола. Сейчас доедем, я тебя прооперирую, – от ее спокойного, но уверенного голоса становится чуть легче. Или же это действие лекарства началось?

– Это моя первая пуля, – хриплю я. Не знаю, к чему это откровение, но захотелось поделиться.

– Да, твои детективы меня ввели в курс дела. Особенно молодой парень все крутился рядом, переживает за тебя.

– Это Эдди, у него сегодня первый день.

– Хорош день, – глаза цвета хвои еще раз осматривают меня с головы до ног, словно сканируя. Ощущение, будто она отмечает все детали. Обычно я этим занимаюсь в силу профессии, и совершенно не привык, чтобы так поступали со мной, – Все, не трать силы, почти приехали.

Волна боли чуть отступила, но из-за движения машины скорой помощи я чувствую будто каждый гребаный камушек на дороге. Стискиваю зубы, хочу ответить привычной колкостью, но сил никаких не осталось. Я прикрываю глаза и погружаюсь в черноту.

Сквозь вязкий туман я слышу что-то про кровотечение и высокое давление. Свет от ламп сменяется на полумрак, а затем меня снова перевозят на каталке в прохладную комнату с лампой. Кто-то кричит, что я не выкарабкаюсь. Но все тот же бархатный уверенный голос затыкает какого-то Стэна и выгоняет из операционной.

– Нет, нет, нет, так не пойдет. Как там говорят в этих медицинских сериалах? Только не в мою смену? Слишком пафосно. Но лучше уж и правда бы ты не помер сегодня.

Дальше я уже ничего не слышу, видимо наркоз полностью завладел моим телом.

Вспышка. Голоса доносятся до меня словно откуда-то из другого помещения. Я слышу гул, но не могу расслышать точнее. Медленно открываю глаза, пытаюсь понять, что произошло, и где я нахожусь. Сухость во рту дикая, словно я

не пил неделю. Светлая палата, а за окном уже ярко светит солнце. Я провалялся тут сколько? Большую половину дня? День?

Пытаюсь подняться, но только корчусь от боли. Из вены у сгиба локтя на левой руке торчит тонкая игла, а к ней присоединена прозрачная трубка, в которую капает какая-то жидкость из бутылки, прикрепленная к стойке на самом верху. Правой рукой касаюсь до своего левого бока, куда вчера попала пуля. Там огромная повязка, в середине которой немного проступает пятно крови. Даже присесть не могу, сразу чувствую жжение. Но зато уже не такое дикое, как вчера вечером. А еще все чешется просто кошмар как.

Хирург хорош, зашил как надо. Не знаю тонкостей операции и всяких заумных терминов, но если я способен сейчас дышать и соображать, значит все прошло нормально. Поскорее бы убраться отсюда и вернуться в участок. Ищу глазами телефон, но на тумбе рядом ничего нет. Даже стакана воды, а он бы мне сейчас не помешал. Только какой-то файл сверху папки, на котором красуется заглавными буквами мое имя и номер палаты 398. Хочу дотянуться, но пульсация под ребрами заставляет меня вернуться в свое положение.

– И куда ты собрался?

В дверях стоит Капитан Дрейк. Обеспокоенный взгляд выдает его с потрохами.

– Все так плохо, Кэп?

– Мы тебя чуть не потеряли, – говорит тихо он и проходит

в палату, закрывая за собой дверь.

Получается, я поставил жизнь и карьеру под угрозу, взяв сопляка с собой в здание. Хотя Капитан не давал приказ, я ведь мог оставить его на улице в машине или рядом с детективами из Агентства. Но нет, я потащил его с собой. А потом думал о том, как бы вернуть его домой целым, отвлекся. Я совершенно был не собран. И вот я здесь.

– Что там Эдди?

– Весь зеленый был, когда я приехал. Не отходил от тебя до самой скорой, дальше его не пустили. Сейчас в участке, дрыхнет в моем кабинете.

– Понятно.

– Райт, ты прости меня, сынок.

– За что?

– Не надо было давить и приставлять к тебе Эдди именно вчера.

– Ну, это было мое решение взять его с собой на штурм. Мог бы и оставить за периметром.

Все равно протягиваю ладонь Дрейку и жму руку. Замечаю, как его плечи опускаются от облегчения.

– Стрелка взяли, Брайан и Соьер его допрашивали, но все бестолку. Пока сидит в камере. И молчит.

– Это хорошо. Я сам его допрошу, как вернусь.

– Доктор Майер тебя не выписывает.

– Значит передай этому Доктору, что я беру за себя и свое здоровье полную ответственность. Но отлеживаться здесь я

больше не буду. На перевязку приду, пусть обезболивающее выпишет.

– Если мне хоть на секунду покажется, что ты побледнел, – Капитан смотрит на меня выжидающе, – я тут же вызываю медиков, и тебя увезут обратно. И будут держать здесь столько, сколько Доктор Майер посчитает нужным.

– Договорились.

На самом деле нет. И мы оба это понимаем. Капитан Кэмерон Дрейк знает меня, как облупленного. Он прекрасно понимает, что работа лечит меня. Правда вот такого со мной еще не случалось. Тем не менее мне надо расколоть того урода, что стрелял в меня. И понять, каким образом члены мафии узнали о нашей операции.

– Я жду тебя в машине, сейчас позову дежурного врача для осмотра и документов, – и с этими словами Капитан выходит из палаты.

Глава 4

Дженнифер

Уже добрых двадцать минут я стою в душе под горячей водой. Тяжесть двух смен она, конечно, не смывает. Но поможет мне хоть немного расслабиться. Выдавливаю и растираю немного цитрусового геля для душа. Но так и оставляю на ладони и смотрю, как вода смывает пену. Я чертовски устала, и по-хорошему мне стоит отдохнуть. Может взять отпуск? Хотя бы на три дня. Ночь выдалась трудной. После вызова к полицейским, я провела сложную операцию по извлечению пули. Еще кровь, зараза, все никак не хотела прекращать литься. Я выписала направление к нашему гематологу, но что-то сомневаюсь, что этот упертый и самоуверенный детектив Райт посетит врача. Всю ночь дежурила у него в палате на случай повторного кровотечения. И только когда доктор Шейли, наш дежурный врач, сменил меня, а все данные по состоянию детектива я передала его Капитану, отправилась домой.

Выключаю воду. Провожу рукой по запотевшему зеркалу, смотрю на себя в отражение. С коротких черных волос крупными каплями стекает вода, а еле заметный светлый шрам ниже ключицы не отдает больше фантомной болью.

После душа кормлю свою морскую свинку кормом, кото-

рый посоветовали мне в ветаптеке.

– Давай, безымянная моя крошка, приятного аппетита. Твоя хозяйка ела последний раз вчера днем, не бери с нее пример.

Понятия не имею о каком насыщении идет речь, если там сплошные семечки да сухие овощи. Добавила ей кусочек свежей тыквы, которую купила на днях на фермерском рынке для супа. Который, к слову, я даже не готовила. А пока свинка занята делом, чищу ее клетку, меняю воду и опилки. Я для этого даже отдельный стол купила, потому что когда увидела размеры ее нового жилища, была удивлена. Как для такого маленького комочка требуется столько места. Но психотерапевт сказала выбрать объект для заботы, и я забочусь.

Наконец, когда свинка возвращается на место, а я мою руки уже в десятый раз за утро, вытягиваюсь на матрасе. Не избавилась от привычки спать на полу, хотя все тот же психотерапевт настоятельно рекомендовала купить кровать. Но все восемь лет я сплю на матрасе. Когда я вернулась в страну после плена, я не стала возвращаться в наш с Адамом дом. Спасибо его родителям, они тогда все уладили с продажей. И только спустя год я решилась на покупку подушки и одеяла. Так и сплю до сих пор. Включаю какое-то глупое утреннее ток-шоу, пытаюсь следить за ходом событий в новостях, но глаза слипаются, и я, сворачиваясь под одеялом, засыпаю.

*Солнце заливает светом импровизированную про-
резь-дверной проем в полупустой палатке. Я меняю тем-*

но-зеленую футболку на точно такую же, но свежую. Надеваю штаны, затягиваю ремень, шнурую ботинки. Обещают больше тридцати градусов сегодня, и если нам не привезли достаточно воды в баках, будет непросто. Надо бы уточнить у командира, что с припасами, а еще нужно не забыть спросить о бинтах и остальных медикаментах, потому что мои запасы практически исчерпаны.

Расчесываю свои темные волосы, они отросли почти до пояса, длина гораздо больше, чем я ожидала. После этой командировки запишусь в салон, возможно поэкспериментирую с цветом. В конце концов на свадьбе хотелось бы видеть легкую и воздушную прическу, а не привычную тугую косу.

– Ты так красива, когда улыбаешься, – Адам вошел в палатку, поправив за собой ткань проема, чтобы у нас было свое маленькое пространство в этом страшном месте. – О чем задумалась?

– Думала, какую укладку хочу на нашу свадьбу, – мечтательно произношу я.

Адам подходит ко мне со спины, и я попадаю в кольцо его мускулистых рук. В его объятиях так хорошо и спокойно, что я невольно откидываюсь ему на грудь и прикрываю глаза.

– До конца миссии осталось меньше месяца, представляешь? – Шепчет мне Адам. – А потом мы вернемся домой, и я не буду выпускать тебя из спальни год.

Смеюсь, но утвердительно киваю. Здесь нам не до уедине-

ния. И я сейчас даже не про секс. Вот так постоять вдвоем в нашем мире роскошь. Зона боевых действий не предполагает семейные вылазки или романтику. Если честно, командир отряда был категорически против, когда узнал, что его лучший солдат и военный врач, которого назначили в его батальон, помолвлены. Но я действительно лучшая, доказывала это уже несколько раз в предыдущих своих командировках. И Командиру Трентону Нилу моего досье с послужным списком было достаточно, чтобы принять решение.

Адам говорит, что ему легче от того, что мы рядом. Так он следит за мной, хотя я все равно переживаю, что он может отвлекаться и думать в первую очередь не головой, а сердцем. Особенно когда я бегу на поле и тащу одна раненого солдата, пока продолжается обстрел.

Мы продолжаем стоять, обнимая друг друга, наслаждаясь моментом тишины и спокойствия. Прижимаюсь щекой к его гладковыбритому лицу. И покрываю поцелуями скулы, губы, шею.

– Я так сильно люблю тебя, – нарушает тишину Адам, отвечая мне совсем не целомудренным поцелуем.

– И я тебя, – мы говорим это друг другу при каждой возможности.

Никто из нас не знает, что будет через десять минут. Прилетит ли бомба, разделят ли нас в срочном порядке из-за нового задания на неделю. Это чертовски сложно морально каждый раз быть в этой палатке и ждать ново-

стей. Хотя работы у меня хватает: зашить рваные раны, извлечь пули, наложить повязки, банально выдать порошок от диареи, потому что до нас не всегда доходят сухпайки, и приходится питаться тем, что осталось. Могу делать все это уже с закрытыми глазами. Хуже всего, когда с этой палатки выносят солдата, который уже никогда не очнется. Такое бывало всего несколько раз, но к этому никогда не привыкнуть.

– Нам пора, – говорю я, скоро восемь утра, а значит Командир Нил будет раздавать приказы на этот день.

Мы выходим на улицу. Из соседних тоже начинают выходить солдаты и офицеры. Из женецин здесь только я, поэтому у меня своя палатка. Точнее я сплю и умываюсь в той же, где принимаю пациентов. Рядом расположена еще одна палатка из плотной темной ткани, но большего размера, там моя операционная. Конечно, полноценной палатой и реанимацией это не назовешь, но все необходимое всегда есть под рукой. Хотя бы чтобы подлатать раненого и отправить на вертолете в больницу при первой же возможности.

Мы собираемся все на площадке, где уже стоит Командир всего батальона, вчитываясь в какие-то бумаги. Адам уходит у своему отряду под свисты, целуя крепко меня на прощание. Большинство по-доброму завидует нам, потому что мы с ним вместе здесь, а все родные и близкие наших парней остались на родине. Надеваю кепку, солнце уже поднялось высоко, даже в футболке становится жарко и душ-

но. И занимаю место рядом с Нилом.

Командир зачитывает план на ближайшие два дня, отправляет команду снайперов на восток страны, а отряду Адама, который находится во главе, говорит зайти к нему после собрания за папкой с какими-то файлами по боевикам.

Я отчитываюсь, что рядовой Скотт Парс идет на поправку. Будучи на задании, рядом с ним взорвалась граната, но он вовремя нашел себе укрытие, поэтому осколки от соседних окон впились ему в правую ногу, но я смогла достать каждый и зашить рану. Считайте, легко отделался.

Мы расходимся каждый по своим местам, я замечаю, как мой жених салютует мне своей фуражкой, а я посылаю ему воздушный поцелуй. Разворачиваюсь в сторону своей палатки, но свист надо мной заставляет меня остановиться. Звон в ушах оглушает. Меня словно парализует. Крики. Звуки разорвавшихся гранат. Волной меня отбрасывает в сторону. Я пытаюсь глазами найти Адама. Все бестолку. Беготня. Песок в глазах. Я задыхаюсь от пыли. Снова крики. Выпущенный снаряд. Кровь. Много крови. Парни бездыханно лежат, разбросаны конечности. Никто не двигается. Я пытаюсь подползти к своей палатке, как к укрытию, но тело меня не слушается. Еще граната. Темнота.

Резко сажусь на матрасе. Гребаные кошмары вернулись. Металлический привкус чувствуется во рту, а искусанная щека ноет изнутри. Смотрю на телефон – полдень. Всего

лишь. Я спала жалких два часа. Больше трех лет я жила вообще без снов. И если моего психотерапевта это тревожило. То меня устраивало. Я устала переживать этот страшный день снова и снова.

Откидываю одеяло, майка прилипла к спине из-за липкого пота. Смахиваю слезы, я даже не сразу заметила, что щеки влажные. Трогаю цепочку с кольцом и жетоном. Со мной, она на месте. **Вдох-один-два-три-выдох.** Этого еще не хватало. Расклеиться из-за передряги полицейских. Завтра первым делом зайду к Клаудии в отдел персонала и откажусь от дополнительных смен в отделении неотложной помощи. В конце концов я опытный хирург, а ездить по городу к бабулям с инфарктами или к детективам с пулями пусть будут настоящие фельдшеры.

Глава 5

Крис

Лежу на кожаном диване в своем кабинете, вглядываясь в потолок. Чувствую, как жжение от огнестрельного ранения пронзает все тело. Мне 38 лет, я взрослый мужик, опытный детектив полиции Нью Йорка, который бывал на разных заданиях и видел страшные последствия убийств. А корчусь от боли, как девчонка.

Штурм этого проклятого здания, где пряталась мафия Уайатта, оказался слишком дорогим. Проблема даже не пуле, заживет. А в том, что я теперь подозреваю каждого. Хотя еще вчера днем я был совершенно уверен в своих детективах и оперативниках. Черт. Да просто в каждом парне этого участка.

Сойер заходил полчаса назад, подтвердил, что информацию о спецоперации передал кто-то стрелку. И этот урод намекнул, что мало того, что мне повезло выкарабкаться. Так еще чтобы вся наша команда проверила среди своих. Я бы хотел ответить, что он просто пытается рассорить нас, отвлечь от дел Харриса Уайатта. Но нутром чую, что он может быть прав.

Медленно поднимаюсь с дивана, игнорируя ноющий жар под ребрами. Брайан стучит по дверному косяку, показывая,

что у него в руках спасительный стаканчик с кофе.

– Я взял со сливками для себя. Но потом решил, тебе не помешает. Только не знаю, можно ли тебе после больницы?
– Беспокойство отразилось на лице моего друга.

– После такой ночи и пары часов сна это определенно не будет моей последней дозой кофеина на сегодня.

– А если доктор запретил? – Брайан проходит ко мне в кабинет, прикрывая дверь. Он слегка прихрамывает на правую ногу из-за ножевого ранения, которое получил несколько лет назад, когда мы гнались за преступником из китайской общины по Бродвею. Зрелище было еще то, а самодовольное лицо Брайана еще крутилось неделю в местных новостях.

– Доктор как-его-там-Майер вообще не разрешал мне уходить сегодня.

– И давно ты не следуешь приказам?

– Считай, что с этого утра. Мне нужно, чтобы ты, Соьер и Эдди пришли в допросную. Или в любой другой кабинет, где поменьше ушей. Восстановим вчерашний вечер по секундам.

– Будет сделано, – и с этими словами, он выходит из моего кабинета.

Делаю глоток кофе, но чуть не выплевываю все. Брайан сколько ложек сахара туда засунул? Всю сахарницу не пожалел? С другой стороны, это вроде как и не для меня изначально было. Брайан вообще редко о ком заботится. Ему это чувство будто совершенно не знакомо. Он словно робот, да-

же не уверен, что у него есть девушка или хотя бы однодневные подружки. Хотя это точно не мое дело.

Захожу в самую дальнюю по коридору допросную, прежде отключив звук и камеры в соседнем кабинете. И закрываю жалюзи, теперь в зеркало-стекло, что отделяет нас от внешнего мира, никто не подсмострит. Мало ли кто может шпионить и разнюхивать. Сейчас я вообще никому не доверяю. Разве что этим троим, кто заходит за мной и усаживается вокруг стола. Кто и как мог предать нашу операцию? Кто стоит за всем этим? Вопросы кружатся, не могу совсем сосредоточиться.

Мои два детектива и новичок сидят в мрачном кабинете, где витает нервная атмосфера. Я внимательно наблюдаю за реакцией каждого. Да, я знаю свою команду, как свои пять пальцев, и малейший намек на недоверие не остался бы незамеченным.

Сойер рассказывает поминутно, что происходило. Как им удалось схватить одного из бухгалтеров, который оказался еще к тому же головорезом шестерки Уайатта. Удобно, киваю ему, говоря, что тот многозадачный сотрудник. Дальше он зачитывает показания других оперативников. Брайан дополняет протоколом детективов Агентства по борьбе с финансовыми преступлениями. Все четко и слажено, никаких проколов. Начинаем анализировать каждую деталь произошедшего. Мы рисуем временную шкалу на доске-стойке, которую прикатил сюда Эдди. Кстати, о нем. Пока я вчера ма-

неврировал сквозь коридор и комнаты здания, я не мог не замечать недостатки своего подопечного. Но за него поручился сам Капитан, и поэтому я в нем тоже стараюсь быть уверен. Хоть это и дается мне с трудом. Я знаю его буквально чуть больше суток.

Когда мы готовили операцию вместе с Агентством, мы понимали во что ввязываемся. Вообще это юрисдикция ФБР, но когда Дин Кейбелл Майлз, глава отдела финансов и объектов ФБР, рассмотрел мое заявление, подкрепленное докладом Лоусона, то выдал нам разрешение на расследование. Идти против Уайатта – начало опасного пути. Поговаривают, что ему принадлежит недвижимость на сотни миллионов долларов по всей стране. Будто он владеет отелями, ресторанами, ночными клубами, строительными и торговыми компаниями. Я и не удивлен наличию такой предпринимательской жилки. Тем более, что при наличии своих фирм, проще отмывать деньги.

Но наша цель была ясна: привести главу мафии перед лицом правосудия. Мы знали, что цена всего этого может быть высокой, но были готовы заплатить каждый гребаный цент. И вот я первый, кто расплатился. Надеюсь, последний.

– Что там со стрелком? – прерываю я гул обсуждения.

– Молчит в основном. Упомянул только, что обычно он не промахивается, – отвечает Сойер.

– Значит, нам передали послание, – невольно прижимаю руку к ранению.

– Думаю, да. При нем был обычный пистолет, такой достать на улицах вообще не проблема. А со связями Уайатта так тем более.

– Я не видел его в здании, где он прятался?

– Не поверишь, Райт, на виду у всех, – устало говорит Брайан. После вчерашнего вечера никто не поехал домой. – Мы камеры у входа в метро потом просмотрели. Он вырубил Тодда, оперативника нашего, с третьего этажа который. Забрал его полицейскую куртку, даже на улице с остальными стоял рядом, типа тоже следил за выходами. Никто не обратил внимание, потому что было два разных совершенно отдела, не все знакомы друг с другом. А там такая суматоха началась, когда он тебя подстрелил, его сразу схватили, руки заломили. Он только посмеялся.

– Козел.

– Согласен. Короче, с того момента больше ни слова. Даже имя свое не назвал. Отпечатков нет, кислотой сожгли пальцы, и судя по рубцам давно еще, – замечаю, как Эдди скривился, совсем юнец еще, жизни не видел. – Капитан к нему ходил. Тот Дрейку сказал, что если ты еще жив, то и говорить будет только с тобой.

– Ну, пойдем поговорим.

Мы поднимаемся по лестнице с Сойером на пятый этаж участка. Там есть несколько камер для особо опасных преступников. Эдди я отправил в архив искать похожие пули и “игру в переодевания”, раз стрелок у нас такой смекалистый.

А Брайана отправил отдыхать, он мне еще сегодня будет нужен.

Пока к нам в допросную ведут моего потенциального убийцу, мы садимся за стол. Заходит щуплый бритоголовый парень в майке и джинсах. Обе руки в татуировках от плеч до самых кистей. Да уж, без куртки Тогда был бы гораздо заметнее.

– Ха, так ты все же не сдох, раз пришел, – он отхаркивается и плюет в сторону моих ног. Кроме отвращения никаких эмоций не вызывает.

– Имя? – Раскрываю папку с его досье, информация скудная.

– Хрен я тебе че расскажу, – снова плевок.

– А зачем сказал Капитану, что хотел разговаривать со мной?

– Я и буду только с тобой. А ты пришел с подмогой, – кивает в сторону Сойера. – Боишься меня? Так я уже ничего тебе не сделаю, расслабься, – и он садится на стул, звякая демонстративно наручниками.

– Сойер, выйди.

– Райт... – Начинает мой напарник, но я его останавливаю.

– Я справлюсь. Иди.

Сойер злится на меня, челюсть стиснута, с громким стуком отодвигает стул и захлопывает за собой дверь. Мы остались со стрелком вдвоем.

– Ну, – тороплю его я.

– Допустим, я – Соьер.

– Очень смешно.

– Бобби, – слышу его южный акцент. Далековато забрался от дома.

– Не беси меня, – рычу я.

– Ладно, ладно, – выставляет обе руки в оборонительном жесте. – Реально Бобби зовут, не выдумываю.

– Итак, Бобби, – проговариваю я по слогам его имя, – кто тебе отдал приказ выстрелить в меня?

– Прямо именно в тебя – никто. Так, напугать, типа сбить с толку. Ты просто подставился, когда вышел.

– Кто? – я повторяю свой вопрос.

– Не будь наивным, я тебе этого никогда не скажу. Так у меня еще есть шанс выйти из тюрьмы, а если выдам имя, даже до суда не доживу.

– Как узнал о том, что мы будем у здания вчера?

– Люди болтали разное на улицах, – уклончиво отвечает Бобби.

– Что именно болтали?

– Ну, типа, что готовится какая-то операция важная, что даже шишки из Министерства будут тоже, возможно, спецназ. Типа вы накрыть базу местной мафии хотели...

То есть мы это готовили три месяца, держали в секрете, действовали сообща только с Агентством, где работают проверенные люди. А на улицах просто болтают? Что-то тут не

чисто. В нашем участке еще ни разу не было утечек. Надо проверить будет всех новеньких, кто начал работать недавно, быть может это человек из мафии. Делаю себе пометку дать задание Брайану.

То, что Бобби могут убить в камере раньше вынесения приговора по приказу именно Уайатта, я не сомневаюсь. Я также уверен, что именно глава мафии или его подручные дали задание Бобби стрелять в полицейских. Знают же, что за такое светит хороший срок. Значит либо наш стрелок им совершенно не нужен, либо же им наоборот нужен кто-то в тюрьме штата, кто будет незаконно торговать различными вещами за решеткой от имени Уайатта. Даже за информацию люди готовы платить, будучи под стражей.

Но вот кто все выболтал про нашу операцию, остается нерешенным вопросом. Пока что.

Возвращаюсь в свой кабинет. Вопросов стало только больше, а ответов ничтожно мало. Сплошные догадки и предположения.

Чувствую дикую слабость, да и спать хочется страшно. Слова о том, чтобы я не строил из себя героя, проносятся голосом Китти в голове. Пожалуй, она права сейчас, как никогда. Мне важно быть в форме. Поэтому я выключаю настольную лампу, закрываю дверь на ключ в свой кабинет и направляюсь на парковку, чтобы доехать до дома и отрубиться на добрые часов двадцать.

Глава 6

Дженнифер

Два дня спустя, май 2018 года

Нью Йорк, Штат Нью Йорк

– Сегодня в нашей больнице важная операция, – Лори Дэвис, заведующий отделением хирургии, начал наше утреннее ежедневное собрание. – Доктор Майер и Доктор Тревис объединятся для трансплантации костного мозга.

В аудитории начались перешептывания между медиками. Здесь были все: от опытных хирургов до медсестер и интернов. Многие из персонала хотели участвовать в этой операции, но мы собрали действительно команду лучших в своем деле. Даже лживая-задница-Стен будет мне ассистировать.

Сандре Гарсия всего пятнадцать, но, к сожалению, у нее рак крови, еще мы нашли небольшую, но, к счастью, операбельную опухоль около стенки кишечника. Чуть позже диагностировали серьезную степень анемии и заболевание иммунной системы. Ей даже были назначены специальные препараты для стимуляции продукции стволовых клеток костного мозга, чтобы все прошло успешно. Я наблюдаю ее уже больше полугода, хотя вообще-то она пациентка отделения онкологии и Доктора Тревиса, ведущего онколога больницы. Мы даже отпраздновали с ней, чокнувшись стаканчиками со

свежевыжатым соком из кафетерия, когда узнали, что ей нашли подходящего донора.

– Джен, знаю, вы сблизились с пациенткой, но все же надеюсь на твое хладнокровие, – продолжает Дэвис, – Все помнят, что делать?

Мы киваем. На днях уже проводили тестовую операцию без пациентки на манекене, меняя расположение возможных разрезов.

– Сейчас мы отвезем Сандру в предоперационную, чтобы провести ряд финальных обследований для оценки общего состояния здоровья, – говорит Доктор Тревис. – Затем я начну подготавливать донорский материал, а Доктор Майер, – он кивает в мою сторону, – вместе с анестезиологом начнут первую часть операции. Потом удаление опухоли и начнем процесс внутривенного введения клеток.

Собрание заканчивается. Я иду к себе в кабинет, пока у меня есть несколько минут, чтобы собраться с мыслями и настроиться. Все должно пройти без осложнений. Шумно выдыхаю, и открываю ящик своего стола. Во время работы весь персонал без украшений. Поэтому я снимаю свой талисман каждое утро и храню здесь. Внутри ящика лежит золотая цепочка с обручальным кольцом и жетоном. Я беру ее в руки и сжимаю, предаваясь минутному воспоминанию сначала о том, как Адам мне сделал предложение, но не знал, какое именно кольцо нужно покупать. Поэтому сразу купил обручальное: тонкое золотое колечко без камней. А затем я про-

вожу пальцами по выгравированным цифрам и фамилии Андерсон на жетоне Адама.

По пути в операционную за мной увязался Стен, который ждал прямо у двери моего кабинета.

– Волнуешься? – спрашивает он. Дурацкий вопрос. Я собрана и уверена в себе. У меня большой опыт в хирургии и не только в больнице, где есть оборудование, банк крови и куча медиков разных должностей на подхвате.

– Нет.

– А я вот очень, такое в моей практике впервые.

Я останавливаюсь и разворачиваюсь к нему. Стен не ожидал, поэтому врывается в меня.

– Так может откажешься? Еще есть шанс, и есть желающие быть на твоём месте сегодня.

– Нет, нет, – испуганно мотает головой, – не говори никому, Джен, я просто нервничаю.

– Тогда заткнись и делай свою работу. Мы нужны Сандре с холодной головой.

И с этими словами я захожу в операционную.

Я рассказываю начало анекдота Сандре, пока анестезиолог вводит ей наркоз, говоря, что вторую часть и саму шутку она услышит от меня, когда очнется. Я не обещаю ей этого напрямую, иначе ее родители и комитет по этике этого мне простят в случае летального исхода. Лишний раз убеждаю себя, что такого не будет. **Выдыхаю. Начинаем.** Мы удаляем опухоль под руководством Доктора Тревиса. Все пока-

затели в норме, поэтому он завершает операцию, незамедлительно вводя костный мозг.

Сверху операционной есть второй этаж и небольшой балкон со скамейками, откуда наблюдал Лори Дэвис, интерны и другие хирурги, которые могут в будущем столкнуться с такой операцией в своей практике. На меня это совершенно не давит. Мне кажется, меня вообще невозможно больше вывести из равновесия. Однако Стен, будь он проклят, в начале так сильно разволновался, что опрокинул набор хирурга со скальпелем. Но медсестры были готовы, потому что быстро все заменили. Под мой вопросительный взгляд, в котором было молчаливо сказано про самый последний шанс, Стен наконец взял в себя в руки и дальше ассистировал мне без замечаний. В конце я даже его похвалила, чего не делала уже давно. И позволила ему самому сделать аккуратный косметический шов. Сандра еще молода, ей еще захочется быть привлекательной в бикини.

После операции дочери миссис Гарсия потребуется особая забота и наблюдение в течение нескольких недель. Это включает контроль за уровнем инфекций, поддержку иммунной системы, учет дефицита кровеносных клеток и еще кучу всего, что расскажет Доктор Тревис ее семье.

Операция длилась пару часов, но я все равно устала. Пока я плелась через стойку Кейни Ричардс, главной медсестры больницы, к своему кабинету, она меня окликнула.

– Джен, у тебя пациент в 202 на осмотр после операции.

Требуется перевязка.

– Его может осмотреть один из интернов? Пусть учатся в конце концов. Там же ничего сложного.

– Нет, он искал именно Доктор Майер, – подмигнула мне Кейни. – Говорит, что только он может ему помочь.

Теперь же она откровенно хихикает. Кейни пышная блондинка около пятидесяти, всю жизнь проработала в этой больнице. Жуткая сплетница. Но признаю, иногда это бывает полезно.

– Он? У пациента гендерные предрассудки? Или что, он был в отключке все время пребывания здесь, что даже не знает, что его оперировала женщина?

– Типа того, – усмехается Кейни и дает мне папку с файлом пациента.

Когда я смотрю на имя, то все становится ясно. Мысленно про себя раздраженно рычу. Захожу в соседнюю палату, а высокий мускулистый мужчина в кожаной куртке и брюках стоит ко мне спиной и смотрит в окно. Подхожу к кушетке и кладу папку на нее. Надеваю резиновые перчатки, все еще молча.

– Мне нужен, как его там, Доктор Майер, – говорит мужчина, щелкая пальцами, вспоминая мое имя. Так и не повернувшись ко мне.

– Доктор Майер – это я, детектив Райт.

Наконец он оборачивается. Серые глаза впились в меня, а брови нахмурились.

– И я рада, что вы более компетентны в медицинских вопросах, чем я, – продолжаю свою речь.

– Чего?

– Ну, по каким-то причинам ведь вы решили покинуть палату через 7 часов после операции. Или я ошибаюсь?

– У меня были дела в участке. И вообще почему я должен перед вами отчитываться?

– А у меня из дел было спасение вашей жизни.

Вижу, как детектив немного смутился.

– Покажите мне вашу повязку.

Райт нехотя снимает куртку и задирает рубашку. На белой повязке проступает пятно крови, а судя по состоянию бинта, этот детектив все два дня не объявлялся здесь.

– Вы меняли самостоятельно повязку?

– Нет, – а глазами упрямо смотрит на меня.

Будто мне одной это надо. Окидываю еще раз его суровым взглядом. И ведь не глупый подросток стоит передо мной, а простых вещей не понимает.

– Я наложу новую стерильную повязку. И прошу вас дома дальше обрабатывать самостоятельно. Раз у вас есть другие дела. Рецепт и как это делать я вам выпишу.

Райт забавно дергается, когда я обрабатываю рану, я даже усмехаюсь.

– Это всего лишь антисептик.

– Жжется, – по-детски отвечает он.

– Дуть не буду, и так заживет, – парирую я в ответ. – На-

поминаю, что если снова будете игнорировать перевязку, то это может спровоцировать развитие опасных осложнений: нагноения, абсцесса, некроза, заражения крови.

– Специально пугаете?

– Да, – даже юлить не буду, пусть лучше головой думает в следующий раз.

Наконец, заполняю все необходимые документы на рецепт обезболивающего, выдаю памятку, как правильно обрабатывать и менять себе повязки.

Тишину прерывает звонок его мобильного, Райт хмурится, но отвечает. И его брови ползут вверх.

– Где? Когда? Как она? Я в этой больнице сейчас. Да. Нет. Скоро буду.

Нет, мне не должно быть интересно. Но любопытство берет вверх.

– Что-то случилось?

– Один важный свидетель в расследовании пострадал, – после недолгой паузы он продолжает. – Вызвали скорую, должны сюда привезти.

– Еще один огнестрел?

– Ножевое, и боюсь, не выкарабкается. А мне нужно ее допросить. Помогите мне, доктор Майер. Я должен знать, кто на нее напал.

Что? Я не ослышалась? Он хочет впутать меня еще дальше в свое расследование? Нет. Нет и точка. **Нет.**

Глава 7

Крис

Иду за Доктором Майер по узкому коридору Больницы “Бельвью”. После звонка Брайана, что ту самую официантку, которая передала мне записку от Лоусона, трижды ударили ножом в живот у ее дома, я сам не свой. Как они ее вычислили? О ней вообще мало кто знал, правда ее данные все же фигурировали у нас в официальном деле, потому что иначе мы бы не смогли подтвердить слова Лоусона о том, что в этом здании могут прятаться члены мафии. Чертов Уайатт узнал от одного из наших. Везде есть продажные копы, это не новость. Но я не ожидал этого в своем отделе.

Я следую за ней. Не подумал бы, что зеленоглазая врач из скорой и есть тот-самый-Доктор-Майер, который спас мне жизнь. Почему-то эти два факта совершенно не соединялись у меня в голове. Пока я был в палате на осмотре, я немного успел рассмотреть ее. Симпатичная. Короткая темная стрижка, хмурый взгляд, острый язык, ровная прямая осанка, знает свое дело. Готов поставить двадцатку, что работала в армии или что-то типа того. Я таких людей, действующих четко и слаженно, за милю чую. А в тот вечер она даже ни на секунду не смутилась. Она хороша, как врач. Возможно, следует все же с ней подружиться и иногда привлекать к

делам, как внештатного эксперта.

– Может на ты? Крис Райт, – представляюсь и вытягиваю руку для рукопожатия.

Она останавливается и смотрит на нее. Словно раздумывает над предложением и возможными для нее последствиями.

– Дженнифер, можно просто Джен.

Прохладная рука нежная и маленькая, по сравнению с моей здоровой ладонью, но рукопожатие крепкое. Я даже не ожидал такого от девушки ее комплекции.

– Ты служила? – Перехожу сразу к сути своих размышлений.

Сузив глаза, она наклоняет голову на бок, а из-за этого прядь волос немного прикрывает ей часть лица. Подавив желание дотронуться и откинуть ее волосы, продолжаю молча ждать ответ.

– Я – ведущий хирург этой больницы. Большого тебе знать не следует.

Джен разворачивается и идет к дверям, над которыми висит табличка “Отделение неотложной помощи”. Заходит внутрь, даже не придерживая дверь. Усмехаюсь. Ну, это мы еще посмотрим, что мне там следует или не следует знать.

Здесь творится настоящая суматоха, по сравнению с этажом выше, пока мы были в хирургии. Медсестры развозят каталки с пациентами за ширмы, слышатся всхлипы, кто-то из родственников причитает о свалившейся участи.

Нахожу Джен у стойки, пока та говорит с девушкой в белом медицинском костюме и в таком же смешном колпаке, что был на Доктор Майер вечером, когда меня подстрелили.

– Привезут через пару минут, она не в сознании, но пока жива. Джен, была рада встречи, но мне пора, – говорит эта девушка, а затем убегает в сторону машин скорой помощи.

Пока жива. Это дает мне надежду, что Кара оправится, вернется к себе домой и я поклянусь, что больше никогда ее не побеспокою. Даже обращусь к знакомым парням из ФБР по защите свидетелей, чтобы Уайатт ее не нашел. У нее нет семьи или близких, чтобы те за нее беспокоились. Чувствую себя чертовски виноватым, что она сейчас приедет сюда из-за меня и нашей договоренности.

Она как-то проходила по делу убийства какого-то мужика под мостом, где собираются все бездомные района. Но не была похожа на девиц, которые готовы себя предложить за двадцатку. Просто юной сиротой, которой некуда было идти, поэтому осталась жить там. Я проникся, пристроил ее в ресторан официанткой, она даже начала сама снимать комнату наверху у хозяина ресторана. Я ее попросил-то записку передать просто потому, что этот ресторан находится слишком далеко от логова мафии, чтобы Лоусона точно не подозревали. Но ее все равно вычислили. Или сдали.

– Девушка, девятнадцать лет, три ножевых, седьмая смотровая, у вас две минуты, – до меня доносится звук из динамика. Джен тянет меня за рукав куртки.

– Пошли, посмотрим, как она.

Мы задерживаем шторку смотровой, фельдшир быстро вводит нас в курс дела. Я делаю пометки всего, что может в будущем пригодиться. Глубокие раны. Сильное кровотечение. Потеря сознания. Высокое давление. Будет операция.

– Сейчас ее отвезут наверх, прооперируют, – говорит Джен.

– Она выживет? – Это все, что сейчас мне важно знать.

– Никто не даст тебе гарантий. Но хирурги будут делать все возможное.

– Ты будешь оперировать?

– Нет, – качает головой она.

– Почему? Меня вон смогла же залатать.

– Перед твоим приходом у меня была серьезная операция на опухоль и пересадку костного мозга, меня не допустят.

У меня так сильно выкатились глаза от удивления, что я невольно заморгал гораздо чаще, чем нужно. Эта хрупкая девушка занимается такими вещами? Я потрясен.

– Спасибо.

Черт, кажется сказал вслух.

– Тебе больше нечего здесь делать. Все равно, пока она не очнется, полицейских не пускают в палату.

– Я знаю протокол. Ты можешь мне позвонить и сказать о ее состоянии? – начинаю злиться, но протягиваю ей визитку со своим номером. Вижу, что Джен колеблется. Если она сейчас меня пошлет к медсестрам, то будет совершенно пра-

ва. Какого черта ведущий хирург больницы должен докладывать полицейскому о прошедшей операции. Этим занимается главная медсестра, обычно от нее все детективы получают официальную информацию. Но Доктор Майер все-таки берет картонный прямоугольник и складывает себе в карман.

– Я позвоню, если что-то мне станет известно. Всего доброго, Детектив Райт, – и с этими словами она проходит мимо меня и идет в сторону коридора, откуда мы пришли. Даже прощания моего не дождалась.

Я провожаю ее взглядом, задерживаясь чуть дольше на ее бедрах. Нет, так не пойдет. Если она мне нужна как эксперт, то пусть таковым и остается. Тем более она сразу провела между нами невидимую линию и не планирует открывать свои секреты о службе или что у нее там еще есть интересного.

Я теперь еще сильнее подозреваю практически каждого в своем окружении, поэтому делаю мысленно себе пометку, чтобы запросить ее досье в главном управлении полиции города. Мне важно знать, что ее репутация ничем не запятнана.

Глава 8

Дженнифер

Чертова визитка. И зачем я только согласилась ее взять? Она будто прожигает мне карман. Невозможно чувствовать кусок картона сквозь столько слоев одежды, но все же я чувствую.

Поднимаюсь обратно в свой кабинет, закрываю дверь и прижимаюсь спиной к двери. Зачем мне это все? К чему было интересоваться расследованием? Теперь я еще должна перезвонить Райту, чтобы доложить о самочувствии его официантки. С другой стороны, это может сделать дежурный врач или главная медсестра. А мне есть чем заняться.

В конце концов у меня есть пациенты, операции, моя безымянная свинка. И мне совершенно не любопытно, что у него там происходит в участке. Я совсем не соскучилась по делам вне этой больницы. Не скучаю по военному времени. **А еще я безбожно вру самой себе.** К черту это все.

Хватаю свою сумку и направляюсь к выходу. На сегодня у меня была запланирована лишь одна операция, которую я уже завершила. По пути захожу в послеоперационную палату проверить Сандру. Она уже очнулась и находится в окружении своей семьи. Все же рассказываю ей вторую часть шутки, а Сандра звонко смеется. Лишний раз убеждаюсь, что я

выбрала правильную профессию, я на своем месте.

Дохожу до комнаты отдыха, где стоят пара диванов. На одном из которых растянулся Стэн, и теперь храпит, запрокинув голову. Открываю свой шкафчик и переодеваюсь в удобные черные спортивные штаны, белую худи и белые кроссовки. После колебаний вытаскиваю из халата визитку Райта. Форму кидаю в общий пластиковый бак, который на треть уже заполнен халатами и медицинскими хлопковыми брюками. И еще раз кинув взгляд на спящую лживую-задницу-Стэна, выключаю свет и закрываю за собой дверь.

Погода сегодня не радует, поэтому надеваю капюшон и выхожу из больницы. Обычно май в Нью Йорке солнечный и теплый, многие уже в шесть утра бегают в парках в майках и спортивных шортах. Но не в эту неделю. Обнимаю себя руками, пока иду до метро. Мне ехать ровно 28 минут. Потом еще 7 минут пешком. Два лестничных пролета. И я дома.

Это так странно называть мое временное пристанище домом. Но, как известно, все что временно, то постоянно. И вот я снимаю эту квартиру уже пять лет. Сначала три года после плена я жила у своих родителей в пригороде Бостона. Первый год для меня и моей семьи был психологическим адом. Не знаю, как не тронулась умом моя мама, но она была всегда рядом и поддерживала меня. Даже сначала спала со мной в одной комнате и подскакивала ко мне всякий раз, когда я просыпалась от кошмаров. Отец, тоже бывший военный, боялся ко мне подходить. Ему казалось, что он ме-

ня подвел, потому что поддержал мое рвение стать именно военным врачом. Поддерживал каждую мою командировку, включая последнюю.

К моему несчастью, моих родителей не стало два года назад. Пьяный ублюдок въехал в их пикап, когда они ехали с рыбного рынка в субботу утром. К счастью для него, по пути ему встретился отбойник, иначе я бы сама его придушила голыми руками.

В итоге я продала наш семейный домик, потому что семейных встреч больше никогда не будет. Мне предложили работу хирургом в Нью Йорке, и я переехала в Большое Яблоко строить свою жизнь с нуля. По правде говоря, получается так себе. Ощущение, будто я живу не свою жизнь. Будто пишу ее в черновике, и если что, потом смогу переписать, как надо. Но как надо у меня уже было. А потом закончилось. **Неожиданно. Резко. Больно.**

Я словно робот: хожу на работу, беру лишние смены, чтобы не оставаться в одиночестве наедине со своими мыслями. Завела свинку. Не хожу на вечеринки. Ем какую-то дрянь. Раньше я любила готовить, у меня было коронное блюдо – пастуший пирог с фаршем. Моя мама была родом из Йорка. А потом съездила в Лондон на выходные с подругами, где встретила моего отца, у которого была там не долгая пересадка после командировки. Они расстались где-то на месяц, поддерживая связь бумажными письмами. Пока отец не вернулся в Англию за ней, попросил руки у моего дедушки и

увез маму навсегда в Бостон.

Я считала их пару и историю любви самой романтической. Потом в моей жизни появился Адам, и я поняла, что знать о любви и почувствовать ее – это две разные вещи. Я искренне любила его. **Без условий. Горячо. До безумия.** И тосковала, и оплакивала слишком долго. Пока не приняла, что он больше никогда не войдет в двери и не обнимет меня. Не успокоит. Не пошутит насчет прически Миссис Колинз из дома напротив. Больше никогда и ничего этого не будет.

Все что у меня осталось от Адама – это жетон, горечь в сердце и надгробный камень, под которым пустота. Я бываю на кладбище раз в полгода, просто потому что мне нужно куда-то приходить. По началу я общалась с его родителями, но они совершенно закрылись от меня, ударившись в религию. Они потеряли своего единственного сына, кинув в меня фразой, что мужа-то я себе еще успею найти. Меня это оскорбило до глубины души. И я снова скатилась в гребаную депрессию. Мне кажется, моя психотерапевт озолотилась благодаря нашим сессиям, которые к слову сейчас стали проходить намного реже.

Замечаю, что уже час я просто сижу на диване в гостиной. Даже не разулась. Тянусь к телефону, чтобы заказать ужин из соседней китайской забегаловки, но глазами нахожу одно новое сообщение. Вот же черт. Это нехорошо. Сомнения сыпятся в голове одно за другим, но я принимаю решение, которое как мне кажется, может быть единственно правиль-

ным в этой ситуации. Достаяю из заднего кармана джинсов белый прямоугольник.

“Детектив Кристофер Райт, отдел убийств, полиция Нью-Йорка”

После трех гудков я уже собираюсь сбросить звонок, но мне отвечает низкий с хрипотцой голос:

– Райт слушает.

– Это Джен, – прочищаю горло, – Доктор Дженнифер Майер.

– Что-то случилось? Что-то с Карой?

– Кара скончалась двадцать минут назад, не приходя в сознание от сильной кровопотери.

После длительной паузы я проверила, а точно ли собеседник еще здесь.

– Райт? – позвала я его.

– Да, я тут. Спасибо за новости, Джен.

– Я могу еще чем-нибудь помочь? – Зачем я это спросила.

– Ты можешь подъехать ко мне завтра с утра в участок?

Я хочу дать тебе посмотреть некоторые бумаги, нужно твое экспертное мнение.

Надо было прикусить язык. И пока я медлила, Райт добавил:

– Если ты, конечно, не против мне помочь.

– Я буду. Пришли адрес и время в сообщении, – и я от-

ключилась, пока не наговорила лишнего.

Без понятия, чем я могу быть ему полезна. Он не похож на недалекого детектива, который то и дело просиживает в кабинете штаны. Безошибочно задал мне вопрос про службу, хотя я не давала этого знать даже коллегам. В курсе только главный врач больницы, но тот не будет трепаться.

Почему во мне растет чувство тревоги и одновременно уверенности, что единственным приходом в участок я не ограничусь?

Глава 9

Крис

– Я буду. Пришли адрес и время в сообщении, – и звонок обрывается.

Я откидываюсь на спинку стула и вздыхаю. Это моя вина. Это просто стопроцентно моя вина, что Кары больше нет. **Черт Черт. Черт.** Я хлопаю ладонью по столу несколько раз в порыве эмоций. Воспоминания о последней нашей встрече проносятся в голове. Она похвасталась, что вроде как получила стипендию в местном колледже, и с сентября должна была начать учиться. Была так горда собой! Какой же я самоуверенный придурок. Почему не использовал подставного копа для передачи записки?

Открываю крышку ноутбука, в поисковой строке архива так и осталось имя Джен. *“Ожидайте результата”*. Без понятия сколько времени потребуется, пока мне ответят на запрос. Будет чудом, если перед нашей встречей я буду в курсе всего, что происходило в ее жизни. Поэтому выхожу из кабинета и направляюсь к двум угловым столам Сойера и Брайана. Стул для Эдди тоже прикатили откуда-то, разгребли ему место за столом. Парни сидят, что-то читают.

– Кара скончалась, – без предисловий и сразу к делу. Сойер медленно поворачивается ко мне, глаза Брайана устрем-

лены в окно позади меня. Он изначально был против этой затеи.

– Кто такая Кара? – заполняет паузу Эдди.

– Ты дело жопой читал что ли? – начинаю откровенно злиться. Я и без того был на взводе, но сейчас мой подопечный может просто отхватить за любую мелочь. Только вот смерть Кары не мелочь.

– Я... Эээ, – теряется Эдди, оглядывается на детективов в поиске поддержки.

– Официантка, что передала от Лоусона записку, – напоминает Брайан. – Не приходила в себя? Есть улики, указывающие на Уайатта?

Отрицательно качаю головой.

– Ты и Сойер, съездите на место преступления. Там, конечно, эксперты уже были, все затоптали, но может видел кто чего. Поспрашивайте там, – мои детективы встают из-за стола, накидывают на себя куртки, проверяют пистолеты. – И этого, – киваю я на Эдди, – с собой прихватите.

– Конечно, Райт, – отвечает Сойер.

Я уже хочу развернуться и уйти в свой кабинет, но торжому.

– И, Эдди, – окликаю его, – вернешься, зайдешь ко мне и расскажешь все по делу наизусть. Понял меня?

Новичок раз сто успевает кивнуть, пока Брайан не утаскивает его за ворот рубашки в сторону лестницы. Глаза испуганные, в ответ заикаться аж начал. Но я поблажек боль-

ше делать не буду. Это дело теперь в приоритете. Капитан Дрейк его мне поручил, а остальные папки с делами с моего стола уже перешли другим детективам отдела. Дальше нас пятерых и начальника Агентства информация не уходит. И я клянусь, если Уайатт пронюхает что-то новое, я лично каждого допрошу без свидетелей. Даже Капитана. Ведь если раньше в курсе было два отдела целиком, то сейчас круг вовлеченных лиц заметно сузился. Добавится Джен, если ее досье меня устроит. И если она согласится.

Дженнифер Майер. Смакую мысленно ее имя. Я одновременно восхищен ее профессионализмом и заинтересован ею самой. Меня всегда тянуло решать загадки, а Джен – сплошная тайна. Невероятно привлекательная тайна, черт бы ее побрал. Зеленые глаза еще эти, которые каждую нашу встречу излучали уверенность и решимость. **Проницательность.** Каждое ее движение отточено, все пропитано дисциплиной и точностью. Я знал, конечно, что медики славятся своими четкими действиями и равнодушием к пациентам. Но я чувствую в Джен что-то еще. **Внутреннюю силу.** Какую-то невысказанную боль. А может из-за дела Уайатта и Кары мне теперь везде это мерещится?

По пути захожу в комнату отдыха, насыпаю зерен в кофемашину, чтобы сделать американо. Хочу просмотреть в деле каждую запятую лично. Ощущение, что упускаю какую-то важную деталь. Пока иду в свой кабинет, успеваю поздороваться с Брейди Маккрейн, непосредственным начальником

патрульных офицеров. До прихода в наш участок, он сам был офицером патрульной полиции. Прошу его передать своим быть еще более внимательным на улицах. Любой намек на незаконную торговлю или передачу товара – сразу проследить и при подозрительных действиях допросить. Брейди же говорит, что Сэм Гастингс, патрульный офицер, нашел вчера одного из подручных-шестерок, а тот в свою очередь звонил скорее всего своему боссу, пока удирает от Сэма. Но успел выбросить телефон в канализацию на пересечении Третьей Авеню и Девяносто пятой улицы в сток. Естественно, телефон никто уже не найдет. Умно. Парня догнали, но тот упорно не сдает своих, придерживаясь кодекса молчания. Небывалая преданность, конечно.

У Уайатта армия людей, которые держат каждого за что-то дорогое, раз они не выдают его имени. Даже слова в его сторону не произносят. Типа Харрис Уайатт благочестивый бизнесмен и только! И пусть все знают на допросах о ком речь, никто еще не подтвердил наших предположений. Его боятся. Настолько, что лучше сядут в тюрьму и будут там под защитой распространять дальше.

Сажусь за стол, проверяю почту. Оказывается, мне уже прислали досье по Джен. Устраиваюсь поудобнее, хочу прочитать каждое слово. В предвкушении прошлого Доктора Майер открываю файл с отсканированным документом и застываю. Какого черта?

“Дженнифер Лесли Майер, 1983 года рождения, 35 лет.

Родилась и выросла в Бостоне. Закончила Медицинскую школу Бостонского Университета.”

Дальше прокручиваю копии пяти листов, в которых практически каждое предложение зачеркнуто черным перманентным маркером. Разобрать, что под ним просто нереально. Только некоторые слова остаются в доступе:

“офицер медицинской службы военно-воздушных сил США”

“последняя командировка: Багдад”

“погиб весь батальон”

“единственная выжившая”

“217 дней плена”

“допрос с подозреваемой”

В конце одно не скрытое предложение.

“Принята на должность ведущего хирурга больницы “Бельвью””

Плен? **Восьмимесячный плен?** Да вы должно быть шутите. Она была в плену? Речь о той самой хрупкой Дженнифер с острым взглядом? Военный врач и командировки в Ирак? Голова идет кругом. Информации в досье ничтожно мало, но в тоже время ее столько, что я не могу успокоиться. И как мне завтра себя с ней вести? Это не то, что я ожидал увидеть. Определенно не то.

Глава 10

Дженнифер

Всю ночь крутилась, не могла нормально заснуть. Обычно я даже не слышу, как моя свинка носится в клетке по опилкам, но сегодня я слышала каждый ее шорох. Каждый скрип, доносящийся из квартиры сверху. Каждый вопль, что раздавался за стенкой у вечно выясняющих отношений парочки. Спустя несколько лет терапии и десяти использованных рецептов на антидепрессанты я смогла заново восстановить свой сон. Раньше боролась за каждую минуту спокойного и крепкого сна. По началу было слишком сложно. Мой организм привык, что его будят каждые полчаса. Я вздрагивала от каждого звука, даже если это была газонокосилка через два дома от дома моих родителей. И вот последние пару лет после операций и дежурств я всегда стараюсь выспаться. И мне удавалось. Ровно до сегодняшнего дня.

Это все Райт и его дело. Не стоило мне брать его визитку. Не стоило провожать его до отделения неотложной помощи, и не надо было звонить потом с новостями. Не нужно было соглашаться на встречу с утра. Это все не имело никакого смысла.

Но чему я точно научилась со своим психотерапевтом, так это что обманывать себя нельзя. Даже если правда мне не

нравится. А суть проста: мое нутро не спрятать. Мне интересны расследования, я обожаю читать детективы и, что еще хуже, я была не просто военным врачом, но еще и вела медицинские расследования в паре с командирами отрядов, а после командировок продолжала расследовать разные случаи и в военно-морском министерстве США. Потому что дерьмовые люди встречаются не только за пределами улицы, где вы выросли, и их мотивы испортить жизнь не всегда адекватны.

Я уснула только к четырем часам утра. Поэтому в семь я кое как пытаюсь встать с матраса, но бросаю эту идею, плетусь прямо в одеяле, как в коконе, на кухню, включаю чайник. Дальше меня затягивает утренняя рутина: отжимания, душ, растяжка, кормление безымянной крошки, кружка горячего чая на голодный желудок. В холодильнике как всегда пусто. Поэтому надеваю вязаный кардиган поверх майки, влезаю в черные джинсы, черные ботинки и выхожу из дома в поисках завтрака.

Не понимаю, отчего я так волнуюсь. Я не сделала ничего плохого, пережила множество допросов. Которые я правда совсем не хочу вспоминать. И мне так не хочется вываливать всю свою жизнь этому Детективу Райту, если он спросит. А он спросит, хоть мне и удалось один раз уже уклониться от ответа. Вид у него еще такой грозный, но мрачный. Глаза его серые впиваются в тебя мертвой хваткой, попробуй только отступить. Вечно что-то подозревает. К черту его. Приду, спрошу что надо, отвечу на вопросы, уйду. **Конец истории.**

Пока сижу за столиком и жду свой завтрак, проверяю рабочую почту на телефоне. На неделе меня ожидают несколько запланированных операций, пара дежурств. Клаудиа опять прислала всем врачам графики отпусков с пометкой “срочно”. Не была в отпуске уже сколько? Года три? И то, в прошлый раз меня насильно в него отправили. Мне надо чем-то заниматься, чтобы не остаться снова со своими мыслями и воспоминаниями. Прикрываю глаза, картинки лезут снова в голову.

Гранаты, которые взрывались почти две минуты без остановки, подняли на воздух слишком много пыли и песка. Не могу открыть глаза, то и дело кашляю. Ничего не вижу. И ничего не слышу. Ни единого вздоха. Может это меня просто оглушило? Может лопнули барабанные перепонки? Контузия? Пытаюсь повернуть головой, осмотреться. Палаток нет, все в песке. В телах. Нет. Нет, только не Адам, нет. Он же смог укрыться? Смог же?

– Ваш заказ, фриттата, фасоль, бекон, тост и большой американо, – вырывает меня из воспоминаний голос официантки. – У вас все нормально? Вы бледная.

– Да, все нормально, спасибо.

Вдаваться в подробности и разговаривать по душам с первым встречным в мои планы не входит. Быстро расправляюсь с завтраком, который обычно сама же ругаю при пациентах. Но ничего не могу с собой поделатъ, это слишком вкусно. Хоть и вредно до ужаса. Я согласна, что жареные яйца

с овощами отличаются сбалансированным составом, а бекон и фасоль удачно сочетаются на моей тарелке. Но на каком масле и какое его количество было использовано, даже думать отказываюсь.

Пока иду пешком до участка, вдыхаю прохладу майского воздуха. Сейчас достаточно свежо, и пусть уже через пару часов мой кардиган придется снять, но я все равно не буду этого делать. Люди откровенно пялятся на мои шрамы на руке, которые я получила все в тот же чертов день. Осколки разлетались, как капли дождя. И пусть мне удалось найти укрытие, несколько проворных стеклышек меня задели. Но я не сразу получила медицинскую помощь. Далеко не сразу. Нормальный осмотр случился только спустя восемь месяцев.

– Мне нужен Детектив Райт, – говорю я на входе дежурному. Тот мне отвечает, что нужно подождать, поэтому сажусь на неудобный стул в их импровизированной приемной и осматриваюсь вокруг.

Несмотря на внушительный размер здания участка, эта комната, где я сейчас сижу, маленькая. Пять серых стульев в ряд. Металлические с деревянными сидениями. Светло-коричневые стены, американский флаг. Доска с буклетами про права граждан в штате и стране. Стойка, за которой сидит дежурный и заполняет бумаги на каждого пришедшего. Вот он встал и отнес документы в ящик в окошке. Чья-то темная рука высунулась из этого окошка и забрала ящик. Дежурный вернулся на место и пригласил следующего.

Открываются двери, и входит Детектив Райт. Высокий, подкаченное тело, рельеф которого видно даже через одежду, короткая стрижка. На нем синяя рубашка и брюки, значок висит на шее на цепочке, пистолет в кобуре. Оборачивается, ищет глазами и замечает меня, хотя нас тут не слишком уж и много, если быть откровенными. Ощущение, что он сразу знал, где я сижу, но отчего-то не хотел встречаться глазами. Будто что-то знает. Ха! Он все знает, хотя мое досье тщательно скрывали, что-то могло остаться в архиве. И теперь ему жутко неудобно. Он явно не ожидал прочесть такое обо мне. Ну, что же, Крис Райт, такова моя жизнь.

Расправляю плечи и встаю, первой протягиваю руку, чтобы поздороваться. Меня так обучали. Неважно, кто перед тобой и какого звания. К чему уже скрывать свои привычки.

– Спасибо, что пришла, – начинает Райт, пожимая мою руку в ответ. **Теплое прикосновение.**

– Не знаю, чем могу помочь. Все что я знала о Каре, я передала еще вчера по телефону.

– Дело не только в Каре. Пойдем в мой кабинет, я подробно тебе все расскажу.

Отпуская мою руку, открывает передо мной дверь. Мы поднимаемся по лестнице в отдел убийств.

– Здание старое, лифт не предусмотрен, – как бы извиняется Детектив.

– Ничего страшного.

– Может кофе? У нас тут кофемашина даже своя есть, не

ерунда растворимая из автоматов.

Соглашаюсь, и поэтому сначала мы заходим в небольшую комнату отдыха, откуда пулей выбегает парень, Эдди, кажется. Помню его, он не отходил от Криса, когда того подстрелили.

– Он теперь меня боится, – поясняет Райт. – Косячит постоянно.

– Зачем же вы его держите?

– Капитан за него попросил, не смог отказать своей сестре. Эдди неплохой парень, просто выбрал неудачное время для стажировки, – пожимает плечами Райт. – Тебе с молоком?

– Нет, пью черный.

– Я тоже.

Райт постоянно избегает меня глазами, не смотрит, спрашивает в пространство. О да, определенно читал мое досье. Пока он насыпает зерна, решаю спросить:

– Читал мое дело?

Глава 11

Крис

– Читал мое дело?

Вздрагиваю и даже подвисяю. Так очевидно? Кофейные зерна немного рассыпались, но Джен продолжает стоять неподвижно. Всем телом чувствую, как глаза цвета хвои сканируют меня, отчего я себя начинаю чувствовать не совсем уверенно.

– И как? Не понравилось? – продолжает она. Я все еще стою спиной к ней, как придурок. – Дерьмо в жизни случается. У каждого свое. Просто со мной случилось это.

Такое не должно было случиться с этой женщиной. Да и ни с кем в принципе.

– Джен, я должен был знать наверняка, что твоя репутация чиста, чтобы попросить тебя работать со мной, – поворачиваюсь к ней. Абсолютно спокойное выражение на лице. Тотальное равнодушие. Руки скрещены на груди. Приподнятая бровь. Но глаза. Эти чертовы зеленые глаза, в которых бурлит гамма эмоций от ярости до обиды.

– А как насчет того, чтобы просто спросить. Эй, Джен, ты случайно не будешь трепаться на улицах о том, что я тебе тут расскажу?

Между нами нарастает напряжение, я начинаю закипать

с одной стороны из-за самого расследования, что так давит на меня, с другой стороны из-за ситуации с Дженнифер. Она все не так поняла. Кто-то откашливается на входе в комнату, задавая вопрос, а не помешает ли нам тут. **Помешает.** Джен хлопает дверью перед носом офицера Тима Фолгера со второго этажа со словами “Занято” и направляется ко мне. Тычет своим пальчиком в меня.

– Я никому не позволю за своей спиной что-то вынюхивать. Есть вопросы – задавай. И это я тебе нужна, если уж на то пошло. Ты хочешь меня по какой-то причине привлечь в свое расследование. Если ты забыл, напомню – я сама пришла в твой гребаный участок, хотя не знаю ровным счетом ничего. Я обычный хирург. А ты почему-то решил сначала убедиться сможешь ли мне доверять. Но вот только я не знаю, можно ли тебе верить. Особенно после такого. Пока ты доказываешь обратное.

Стоит, злится. Имеет право. Я бы тоже был не в себе, если бы меня так проверяли в тихую. Интересно, когда она поняла? Сразу как я вошел или же здесь уже? Но спрашивать не решаюсь, потому что мне действительно не помешала бы ее помощь. Поэтому решаю немного сгладить углы.

– Ты – не обычный хирург, ты ведь знаешь это, и дело даже не в твоей службе, – Джен продолжает пристально смотреть на меня. – Давай начнем с кофе, а потом пройдем в мой кабинет?

Сузив глаза, Джен отступает и смотрит, как я включаю ко-

фемашину. Понимаю все ее чувства, но при этом уже не ощущаю себя как-то неуютно. Она не сбежала, осталась. Шанс есть.

– Должен извиниться. Наверное, действительно стоило сначала спросить тебя. Но у нас появились стукачи в участке. Я не знаю, кому я могу доверять.

Мы садимся друг напротив друга за мой стол.

– Введешь в курс дела?

– Ты что-то слышала о мафии Уайатта у нас в городе? – Джен отрицательно качает головой. Я откидываюсь на спинку стула, начинаю рассказ.

– В этот участок и в команду Капитана Дрейка я перешел семь лет назад. Сначала все было стандартно: разбои с летальным исходом из-за алкоголя, супружеские пары, которые ссорились из-за измен, пока кто-то кого-то не убил, банковские грабежи с жертвами. Этого добра по городу достаточно, – Дженнифер понимающе кивает и делает глоток горячего кофе. Морщится так забавно, что я невольно улыбаюсь, пока она не замечает.

– Так вот, года четыре назад начались внезапные смерти по всему Нью Йорку. Наш отдел убийств, разумеется, заинтересовался. Очень долго не могли найти даже ниточку. А если кого-то и ловили на местах преступлений, то все было тщетно. Иногда находили, правда, в карманах убитых фишки с рисунками тузов, но жертвы никогда не бывали в Атлантик Сити или в Лас Вегасе. И в целом такие фишки не при-

надлежат ни одному законному игорному дому. Мы следили за выходами предполагаемых подпольных казино, пытались найти приглашения на закрытые вечеринки. Даже были подставные девушки, которые крутились в барах и клубах, приглядывая за потенциальными мужчинами, которым кто-то мог предложить незаконно сделать ставки. Но все было бестолку. А жертвы только увеличивались.

Пока однажды один бармен не назвал имя – Харрис Уайатт. Что это он заведует всем, и только с его согласия можно получить адрес и специальную ключ-карту для входа. Стоит ли говорить, что допрашивающие его полицейские отпустили этого пацана на улицы обратно в обмен на имя без какой-либо защиты. А утром мы с Сойером уже были на месте преступления, от парнишки живого места не осталось. Его опознали только по стоматологической карте, хотя зубы были наполовину выбиты. Можешь представить, насколько было изуродовано его лицо. А пальцы отрублены, чтобы мы не смогли опознать его по отпечаткам. Такое вот послание передали.

– Ужас, сколько ему было? – Джен выглядит шокированной. Я в тот день еще долго в себя приходил от увиденного.

– Двадцать, подрабатывал вечерами после колледжа, играл в футбол, вся жизнь была впереди, – качаю головой, но продолжаю. – Короче, мы с детективами объединились, заинтересовалось Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями, мы начали совместное расследование. На ка-

кое-то время смерти прекратились, даже говорили на улицах, что больше никаких подпольных игр не проводилось. А через полгода все закрутилось по новой. Только в тройном объеме. Дошло до распространений этих ключ-карт, визиток с адресом и фишек с депозитом в колледжах, клубах и на вечеринках. Каждая фишка была равна двумстам долларам. Сумма не очень большая, согласен, но студентов очень привлекал факт, что им будто давали денег, не требуя взамен. Только вот могли обналичить они все после одной игры. Они, естественно, шли за легким выигрышем, но просаживали там всю стипендию и оставались еще должны. А должны были слишком много денег. Те, кто просто баловался, оставались в живых. Кто не вылезал из-за стола и срывался в финансовую пропасть, а потом пытался выйти сухим из воды, в конечном счете появился у меня на столе в папке с документами. Дела копились, мы их объединяли в одну серию, но доказать ничего не могли.

– Так, а от меня что требуется?

– К этому мы еще придем. Потом два года назад мы внедрили Лоусона, нашего агента под прикрытием. Это он передал записку с данными Каре, – на ее имени мой голос ломается, мне все еще тошно из-за произошедшего.

Джен наклоняется к столу.

– Ты можешь винить себя сколько угодно, но Кару это не вернет. И в конце концов не ты вложил нож в руку убийцы, и не ты нанес ей три ножевых. Лучше сосредоточиться на

поимке ответственных за это.

Киваю головой в знак согласия. Головой понимаю, что она права, но легче пока мне становится.

– У нас есть несколько дел, в которых мы уверены, что за всеми трупам стоит Уайатт. Но не хватает будто главных доказательств, на что мы могли бы опереться в суде, – передаю Джен толстую папку с документами.

Дженнифер внимательно изучает бумаги, перелистывая их одну за другой. Выглядит озабоченной. Ее лицо выражает напряжение, брови сведены. Когда я собирал все файлы воедино, чувствовал, что в этом деле скрыто что-то гораздо большее, чем кажется на первый взгляд.

– В общем, – продолжаю, – мне показалось, что свежий взгляд и твой опыт в службе может мне помочь увидеть то, что я упускаю, – Джен поднимает на меня глаза, поджав губы.

– У тебя здесь что, с детективами туго?

– Кто-то слил, что будет штурм их логова. Кто-то, кто работает здесь. Кто-то, кто был вовлечен в нашу операцию с самого начала, понимаешь? Не представляю, сколько еще было утечек. Не знаю, что известно Уайатту и его подручным. Я не знаю, кому верить. Сейчас над этим делом работают Сойер, Брайан, Эдди и я. Капитан еще в курсе и глава Агентства, но они пока отдали дело нам. И будешь еще ты, если согласишься.

Джен обдумывает над моим предложением, нервно покусывая нижнюю губу. Опускаю взгляд на ее губы. Пухлые.

Естественного розового цвета. Она замечает, что я пялюсь на ее рот, переставая кусать губу. Черт, неловко.

– Что я буду с этого иметь?

– Принесешь в мир справедливость, не знаю. Что ты хочешь?

– Я вообще не особо хотела быть здесь.

– Но ты пришла.

– Пришла, – кивает Джен.

– Я прошу тебя о помощи. Вот папка с файлами по всем восемнадцати жертвам, что мы связали с Уайаттом. Ты можешь посмотреть, может их что-то связывает: стиль убийства, раны. Наверняка, есть что-то общее. Не могут же они каждого человека убивать новым способом. Эксперты занесли каждую деталь в протокол. Но может что-то упустили. Или не внесли специально. Черт, голова кругом, я из-за этой подозрительности уже не знаю, какой запятой верить.

Джен смотрит на меня и размышляет, я будто вижу, как шестеренки в ее голове крутятся с удвоенной силой. Дверь в мой кабинет отворяется, и входит Сойер.

– Райт, тут новая зацепка, – он хмуро смотрит на Джен, потом узнает ее и хитро улыбается, приветствуя ведущего хирурга. – Доктор Майер, рад встречи! Будете с нами работать? Как Райт вас уговорил?

Она улыбается ему в ответ. Широкая улыбка обнажает белые ровные зубы.

– Я пока думаю, но ваш Детектив не сильно меня и угова-

ривал, скорее просто попросил о помощи.

– Да, он и этого не умеет делать, но я могу все вам рассказать по делу, что интересно.

Эй, я вообще-то здесь нахожусь. Мне вот Джен еще ни разу не улыбнулась. Черт возьми, они что тут у меня в кабинете решили флиртовать?

– Сойер, что за зацепка?

Детектив ловит мой грозный взгляд, выставляет обе руки в оборонительном жесте, усмехаясь.

– Понял, понял, – с ним я еще поговорю на эту тему. – Наши эксперты разобрали по составу ту вязкую жидкость, что была в здании, где проводили штурм.

– И?

– Отделили следы золы, стекла и самой жидкости друг от друга. Оказалось, что это будто бы обычная краска, только вот именно такой цвет и состав не продается в США. Ни в одном магазине, – Сойер продолжает читать отчет. – Эксперты еще не закончили, но есть предположение, что в краску добавляют что-то едкое или ядовитое, потому что она разъела резиновые перчатки в том месте, куда попала небольшая капля.

– Ядовитое? В подпольном казино?

– Они могли красить стены чем-то подобным, но скорее другим цветом, чтобы не привлечь ненужное внимание, – начинает Джен. – Чаще всего в таких местах нет окон, люди теряются в пространстве и времени. Для них что пробыть

за столом час, что десять часов – одинаково по ощущениям. Если их угощали к тому же алкоголем, не следя за количеством, то находясь в такой обстановке, человеку сложно быть в нормальном самочувствии. Представь, что ты находишься в комнате, которая буквально давит на тебя. Ведь все компоненты, что находились в краске, витают и в воздухе. Они в прямом смысле разъездают понемногу мозг. Двойной удар по организму. Если потенциальный игрок приходит один раз, выпьет виски и подышит этим воздухом, то для него это будет губительно. Но если он сидит там каждую ночь в попытках отыгаться, то происходит эффект накопления. Потом дикая ломка, он буквально возвращается назад за этим ощущением. Я уже читала про подобное, когда была... – она делает паузу, осекаясь, смотрит на меня и на Сойера. Еле качаю головой. Нет, Джен, я никому больше не рассказывал.

– Я тебя понял, да.

Сойер смотрит на нас непонимающе, но я не хочу делиться прошлым Дженнифер ни с кем. Ощущение, что тем самым я уберегу ее от лишних вопросов. И даже я не должен был знать. Но узнал.

– Я просмотрю дела и дам ответ, мне пора, – Джен встает и выходит из кабинета. Я продолжаю смотреть в удаляющуюся спину. Даже несмотря на ее мешковатую кофту и джинсы, проглядывают очертания стройной фигуры.

– А она ничего, – подмигивает Сойер. – Сколько лет про-

шло после Китти?

– Ой, заткнись уже, – выталкиваю я его из своего кабинета.

Не знаю, к чему приведет наше сотрудничество, но расследование на первом месте. И я готов пойти на все, чтобы найти правду и наказать виновных.

Глава 12

Дженнифер

Восемнадцать жертв. **Восемнадцать!** И это только тех, кого они смогли связать с этим самым Уайаттом. А сколько всего пострадало людей? Весь вчерашний день я изучала документы, вчитывалась в отчеты, просматривала фотографии с мест преступлений. Мужчины, женщины, два подростка двенадцати и пятнадцати лет. Каким надо быть чудовищем и моральным уродом, чтобы заставить ребенка работать на них? Какая у мафии цель? Чем провинились бедные дети? Предполагают, что они распространяли ключ-карты и фишки в попытках заработать легкие деньги. Но то, что с ними стало... Ужасно. Противно. Меня передергивает до сих пор.

Пытаюсь сконцентрироваться на работе. Она меня всегда отвлекала и направляла на нужный настрой. На собрании Доктор Дэниэл Саммерс, глава отделения психиатрии, рассказывает о сложном случае невроза на фоне депрессии. Доктор Тревис рассказал, что Сандру Гарсия выписывают, показатели ее в норме, идет на поправку. Нам представляют Клэр, нового многообещающего интерна, которая планирует стать [патологоанатомом](#). Почему-то многие думают, что эти врачи работают в основном с трупами, хотя на самом деле

они проводят куда больше исследований по вопросам живых пациентов.

Клэр Беккер приглашает всех после собрания в комнату отдыха на приветственные пончики. Покупает расположение. Но я смотрю только на поступки, и если она будет компетентной в своих действиях, будет работать без ошибок, то и я буду уважать ее, как и любого другого врача этой больницы. Поднимаюсь в отделение онкологии, хочу зайти к Сандре и попрощаться. Она выглядит отлично, вернулся здоровый румянец, а улыбка ее матери говорит все за себя. Мы справились, и это наша общая победа. Сандре еще предстоит поддерживающая терапия, но самое сложное осталось позади.

Возвращаюсь к себе в кабинет. Сегодня по плану безоперационный день, но мне нужно сделать обход пациентов, заполнить все отчеты. А еще сегодня я дежурный хирург, и если в отделение неотложной помощи приедет кто-то с глубокими ранами, я спущусь к ним.

К обеду я спешу вниз в неотложную хирургию, привезли парня после жестокого нападения с подозрением на внутреннее кровотечение. Осматриваю гематомы с особой тщательностью, но как только его начинает рвать кровью, мигом отправляюсь с ним в операционную.

После успешной операции, в которой мне снова ассистировал Ларри, выхожу уставшая в кафетерий. Должна признать, лживая-задница-Стен был сегодня собран. Слушал все мои указания, не вмешивался и не сбивал весь про-

цесс своими шутками. Парню пришлось удалить желчный пузырь, но жить будет.

Беру апельсиновый сок, сэндвич с индейкой и какой-то злаковый батончик. Сажусь за свободный столик, предвкушая обед, как Лори Дэвис, заведующий моего отделения, молча опускается на соседний стул, скрестив руки на груди и глядит мне прямо в глаза.

– Лори, что-то случилось?

– Ты мне скажи.

– Ты знаешь, не люблю загадки. Очередная жалоба?

– Нет, Джен. Жалоб давно уже не было, кстати говоря, – это хорошо. Начинаю кусать сэндвич, сегодня, как и в любой другой рабочий день, я ограничена во времени на еду.

– Тогда что?

– Почему утром мне звонит Капитан Дрейк из Департамента Полиции города и просит не нагружать тебя сильно работой, так как ты являешься их внештатным экспертом?

Какого черта? Я давлюсь тостом с засохшей индейкой. Лори пододвигает мне стакан с соком.

– Джен, я не против помощи полиции. Но тебе не кажется, что в первую очередь ты должна была подойти ко мне?

– Послушай, Лори, меня попросил об одолжении Детектив Райт, которого я оперировала. Только посмотреть файлы с медицинской точки зрения. Ни о какой полноценной работе экспертом речи не шло.

– Но ты мне даже этого не сказала, – разводит руками Дэ-

вис.

– Да, ты прав, я должна была подойти к тебе.

– Что за дело?

– Я не могу тебе сказать, – необъяснимое чувство вины застало меня врасплох. Я вообще перестала чувствовать какие-либо эмоции уже давно. А тут я успела за пару дней злиться, переживать, а теперь еще и виноватой себя чувствую Прекрасно просто.

– Так значит, да? – ехидно отвечает заведующий отделением. – Даю тебе неделю отпуска, дальше возвращаешься на свое рабочее место.

– Но, Лори...

– Никаких Лори, – машет руками Дэвис. – Клаудиа меня уже достала, каждую неделю напоминает о том, что ты постоянно на работе. Глава профсоюза с меня не слезает, я нарушаю все рабочие сроки. Решешь свои вопросы с полицией и вернешься оперировать.

– Мне не нужен отдых, ты же знаешь, я хорошо работаю. Никаких осечек.

– С этой минуты, Джен, с этой минуты, – и Лори уходит, оставляя меня в одиночестве. **Злую. Раздраженную.**

Набираю номер Райта и без предисловий перехожу к сути:

– Райт, я тебе не девочка по вызову, захотел – пришла, понял?

– Джен? – отозвался низкий глубокий голос.

– Какого черта заведующий отделением меня выгоняет в

отпуск? Я не давала согласия на работу с тобой.

– Джен, послушай... – пытается вставить хоть слово Райт.

– И твой Капитан позвонил ему напрямую, попросил не давать мне операций. Видите ли я твой внештатный эксперт! Гребаный эксперт, Райт!

– Джен! – рявкают по ту сторону телефона.

Я молчу. Высказалась. Ярость утихает. Но раздосадованность остается. Вдыхаю, откидываю голову и плююсь в потолок.

– Дженнифер, я лишь упомянул, что передал тебе бумаги, и что ты их посмотришь. Просто это дело теперь – номер один. – Райт делает паузу, шумно вздыхает, а потом продолжает. – За время охоты на Уайатта мы потеряли троих детективов, – словно достает козырь и бьет меня им наотмашь.

Знает, на что надавить. Я тоже потеряла своих. И Адама. И эту боль никогда не выскрести из моего сердца. Только вот восемь лет назад все причастные остались безнаказанными. Даже за то, что я гнила в плену. Произвели какой-то стратегический обмен, включая меня. Я потом еще долго доказывала, что мне не промыли мозги, и я не встала на сторону врагов. В тот момент я искренне считала, что лучше бы я больше не просыпалась в этой камере.

– Джен, – тихо произносит Райт. – Ты там?

– Да, – хрипло отвечаю я, потому что от воспоминаний слезы начинают меня душить. Откашливаюсь. – Раз уж у меня внезапно появилось свободное время, что от меня требу-

ется?

– Ты успела просмотреть записи? Нашла что-нибудь?

– Ничего необычного. Кого-то забили до смерти трубой, в кого-то стреляли. Но я так понимаю, что это распространители фишек, а не простые жители, кто играл за столом.

– На самом деле не все, но большинство тех, кто проговорился о внутренней кухне мафии.

– А дети? – сглатываю, это тяжело дается. На войне я тоже была свидетелем несколько раз, как на носилках под брезентом были видны маленькие ладошки и ступни. К этому невозможно привыкнуть, это невыносимо больно и страшно.

– Из неблагополучных семей, хотели заработать, притащили фишки в школы. Но Уайатт узнал и объяснил им, что несовершеннолетних приглашать нельзя. И дал им еще один шанс. Те вроде как послушались. Но по слухам все равно снова начали предлагать ученикам поиграть. Говорят, сам Уайатт их убил. Но быстро. Никому не позволил.

– Тоже мне благородство, – хмыкаю я.

– Типа того, да. Приедешь завтра в участок? С меня кофе.

– Решил купить мое расположение? Он у тебя отвратительно горький. Буду в 10, – отключаюсь, снова не прощаясь.

Выбрасываю еду с подноса, которую я так и не доела. Иду в раздевалку, где избавляюсь от формы. Переодеваюсь. Запихиваю все в бак для грязных вещей, забираю из шкафчика бутылку воды, бейдж. Забираю из кабинета все папки с отчетами и данными пациентов, передаю их главной медсест-

ре. Пусть сами разбираются с заменой. Я все еще злюсь на Лори, что он так легко отправил меня в отпуск. Без моего согласия. И на Райта. Почему все решают за меня, что мне нужно? Выхожу через главные двери Больницы “Бельвью” и направляюсь в сторону метро.

Глава 13

Дженнифер

Первый день отпуска Дженнифер

Луч солнца проникает через занавески в комнату. Лежу на матрасе и пялюсь в потолок. Странное чувство, когда день настал, а на работу не нужно собираться. И думать про ежедневные утренние собрания тоже. Я с легкостью передала пациентов для наблюдения другим хирургам, с учетом, что все назначенные операции я уже провела. Я особо не держусь за пациентов или других докторов, но то, что меня выгнали в отпуск, раздражает до сих пор. Единственное я беспокоюсь за Миссис Эллис, у нее должна быть завтра кардио операция. И я должна была ассистировать Доктору Палмеру, лучшему кардиологу города. Бьюсь об заклад, он лучший во всем штате. Его переманили в нашу больницу с Чикагской больницы, потому что его дочь переехала в Нью Йорк к жениху. Дэвис уверил меня, что хирурги справятся, и он найдет достойную мне замену.

Здесь я должна была выйти из себя, потому что я и есть достойный врач. Лучший. И это не притворство, статистика говорит за себя. Но я так устала от всех препирательств и выяснений отношений, что просто молча согласилась и ушла домой.

Чтобы доехать до участка, мне нужно выйти в пол десятого. У меня в запасе есть три с половиной часа. Чем заняться – не представляю. Обычно в это время я уже принимала душ и наспех одевалась, чтобы поскорее приехать в больницу. Сейчас же я зарываюсь с головой под одеяло в надежде заснуть еще хотя бы ненадолго. Но все тщетно.

Отжимаюсь, умываюсь, кормлю свинку. Все, как обычно. **Рутина.** Любимое слово моего психотерапевта. Бесит невероятно. Включаю фоном «Доброе утро, Америка», передают неделю дождей. Чудесно. Ненавижу влажность, сырость и серость. Надеваю плотные хлопковые бежевые брюки и рубашку в тон, сверху строгий пиджак и кроссовки. Солнцезащитные очки вываливаются из сумки. Да уж, они мне не понадобятся в ближайшие дни. Беру зонтик и выхожу на улицу. Поднимается ветер, разметая на асфальте не выброшенные газеты и стаканчики из под кофе в урны. И ведь для кого-то Нью Йорк – город мечты.

Спускаюсь в метро, сажусь на нужную мне ветку. Сначала завтрак. Затем в участок. Неизвестно сколько времени я там пробуду. Меня злит сама ситуация, что со мной никто не посоветовался. А будет ли мне вообще удобно этим заниматься? А вдруг у меня ПТСР, и это дело даст толчок на истерику и уход в депрессию? Я должна в первую очередь заботиться о себе. Как это делаю в последнее время. Но интерес и чувство справедливости перевешивают, поэтому вчера вечером я уже успокоилась и настроилась на помощь детективам. А

после сытного завтрака, состоящего из йогурта, блинчиков и кленового сиропа, чувствую себя гораздо лучше.

Подхожу к участку и сразу замечаю статную фигуру Райта, болтающего с каким-то офицером. У Детектива в руках подставка с двумя стаканчиками кофе. Надеюсь, это для меня, и что там американо, а не сладкая молочная ерунда. Райт оборачивается, словно спиной почувствовав мое приближение, улыбается и протягивает один стаканчик мне.

– Доброе утро, Джен.

– Не уверена, что оно доброе. Я здесь, а должна была быть в операционной вместе с Миссис Эллис.

– Что за Миссис Эллис?

– Моя пациентка, ей шестьдесят пять, любимое слово при обращении ко мне “милочка”, и ей назначено коронарное шунтирование, чтобы восстановить кровоток в артериях сердца, – лицо Райта вытягивается, а глаза ползут вверх. Мы заходим в здание участка.

– И ты можешь такое?

– Это несложная операция. Но она была назначена на мою смену, – как бы в укор отвечаю Райту.

– Мы здесь тоже не в игрушки играем, знаешь ли.

– Так может вы в своей песочнице сами и разберетесь, а я пойду? – начинаю поворачивать в сторону выхода, но Райт в два шага догоняет меня и кладет свою огромную ладонь мне на плечо. Я чувствую тепло его руки сквозь одежду. Это ненормально быть такой температуры. Чувствую едва уло-

вимый аромат геля для душа и кондиционера для белья. Сегодня Райт в черных брюках и белой рубашке, рукава закатаны на предплечьях. Откровенно пялюсь на его мускулы. Будь я здесь по другим обстоятельствам и лет на десять моложе, определенно бы потрогала его, провела пальцами бы по выпуклым венам на кистях. Еще секунда, и чувство предательства берет вверх. Я знаю, что надо двигаться дальше. Все вокруг это мне твердят. Но я все еще храню верность Адаму. Все эти чертовы восемь лет. Отстраняюсь и смотрю в его серые глаза, они будто схватили меня цепким взглядом и совершенно не планируют отпустить.

– Что ж, – прочищаю горло, во рту пересохло от такой внезапной близости, – покажешь как тут все устроено?

– Да, – Райт облизывает губы, замечаю как его кадык дергается, – идем, представлю тебя официально команде.

Мы заходим в кабинет Райта, где на диванчике, стоящем вдоль стены, уже сидят Соьер и второй детектив, который представляется Брайаном. Эдди переминается с ноги на ногу в дверях. Райт усаживает меня в свое кресло, попутно говоря Эдди, чтобы тот присоединился с мозговому штурму.

– Итак, что мы имеем: восемнадцать жертв. Девятнадцать, если считать Кару, – голос Райта становится чуть тише.

– Зацепок ровным счетом ноль. Все жертвы не связаны между собой напрямую, потому что не при всех были найдены фишки, чтобы мы могли официально связать в одну серию, – продолжает Соьер.

– А почему вы именно их вообще объединили? – спрашиваю я.

– Лоусон, агент под прикрытием. Тебе Райт о нем говорил? – киваю в ответ, и Соьер продолжает, – Так вот Лоусон два года уже в этой мафии. С самим Уайаттом не встречался, начинал с того, что получал фишки на улицах, играл немного, потом подружился с распространителем и сам стал искать потенциальных клиентов. Но передавал адрес и фишки всегда подставным копам, все было осторожно, потому что его всегда пасли шестерки Уайатта. Кстати, места менялись почти каждый месяц, а то и чаще. Бывало, что мы приезжали накрыть всю мафию целиком, а там их след давно простыл. И вот наконец-то Лоусона продвинули по служебной лестнице, если так это можно назвать. Стал следить за клиентами, кто и сколько денег приносит в общий банк. И каждый раз нам отписывался, в каком районе будут распространять фишки.. Патрульные и парни из Агентства их ловили. Кто успевал удрать, оставался дальше в мафии и снова выходили на улицы. Кого ловили, тех допрашивали.

Соьер разложил восемнадцать фото людей. Их я изучила вдоль и поперек. Фото Кары отдельно повесил на пробковую доску.

– Эти что-то разболтали, что не понравилось Уайатту. Дальше можно понять, что с ними произошло. Отчеты вскрытия ты видела.

– А кто-нибудь вообще видел, как выглядит этот Харрис

Уайатт? Он ведь типа бизнесмен, – задаюсь я вопросом. – Столько лет слежки, внедрения агентов и копов под прикрытием. И ничего?

– И ничего, – вторит Брайан. – Было одно фото со спины, но Лоусон сказал, что это не он, а его правая рука Ронни по прозвищу “Кулак”. А с Уайаттом и Лоусону не доводилось еще встречаться. Все задания он получает через Ронни.

– “Кулак”?

– Да, все забытые до смерти жертвы его рук дело, – пожимает плечами Брайан. Достает серо-черное фото не самого лучшего качества. Накаченная мужская спина в деловом пиджаке, лысина с едва ли намеком на короткий ежик. На фоне кирпичной стены, снимали скорее всего в доках. Больше никакой информации. Не густо.

– В общем, Лоусон видел всех этих людей, – берет слово Сойер и обводит карандашом в воздухе круг над фотографиями, – поэтому мы точно знаем, кому они помешали. Но у нас в отделе еще есть много висяков с похожими травмами. И их никак не подшить к этому делу без улики.

– А ты что скажешь? – Киваю в сторону Эдди. Еще три пары глаз уставились на него. Бедный парень весь съежился.

– Я не знаю, я здесь всего несколько дней.

– И сразу такое большое дело, да? Может у тебя есть мысли, и ты готов с нами поделиться? Ты сейчас похож на забитого мальчика.

– Мне просто до сих пор стыдно, что Детектив Райт из-за

меня словил пулю.

– Ну, я спасла твоего Детектива, благодарностей не жду, – хмыкаю я. Райт переводит взгляд в мою сторону, но я упорно его игнорирую. – Тогда я выскажусь, если вы не против.

– Просим, Дженнифер, – говорит Райт. Он продолжает стоять у стены, скрестив руки на груди. Все это время я ощущала присутствие Криса, даже когда не смотрела на него, будто он занимает в десять раз больше места, чем остальные.

– Я нашла кое-что, что может помочь вам вычислить ещё пострадавших, если в их делах прикреплены подробные отчеты коронеров.

Глава 14

Крис

Я отталкиваюсь от стены. Что? Нашла зацепки? Волнение начало нарастать с бешеной скоростью. Мы уже давно не можем продвинуться дальше.

– На каждом теле есть небольшая зарубка. Прямо на кости. Даже если люди были задушены, им все равно причиняли больший вред, что-то ломали, например, палец. И будто немного пилили кость.

– Продолжай, – мне не терпится перейти к сути.

– Ваши криминалисты скорее всего не объединили это, потому что зарубки находятся в совершенно разных местах. Где-то глубже пропилино, где-то маленькое аккуратное отверстие. У парня, которому разбили лицо бетонным куском плиты, есть небольшая отметина в глазнице. Сквозь рваные раны и плоть не сразу обратишь на такое внимание. Это было просто перечислено в графе “травмы”. Нет четких гарантий, когда именно получены были эти насечки – задолго до или сразу после убийств.

Меня передергивает. Невозможно говорить о таких вещах спокойно, как это делает Джен. Еще и кофе успеваешь отпить. Немыслимо. Я то повидал многое, но понимаю, что она видела гораздо больше ужаса, чем я за пятнадцать лет службы.

– И что в этих зарубках необычного? – спрашивает Брайан.

– Ну, для начала они в принципе есть на теле каждой жертвы. А еще характер нанесения, человек орудовал, словно маленькой пилой. Это не просто ткнуть ножом в тело. На это нужно время, чтобы попасть точно в кость с одного удара и хоть немного распилить ее. Ему никто не мешал. Вполне возможно, что убивали даже не в тех местах, где вы нашли тела. Ну, и судя по ширине – это не обычный перочинный нож, который можно незаметно носить в кармане. Я подобное видела... – Джен замолкает, и я понимаю, что она имеет в виду свою службу военным врачом. Такого успела насмотреться. Меня посещает внезапное желание прижать ее к себе и закрыть от внешнего мира и всех проблем.

– Где видела? – Не унимается Эдди.

– Продолжай, – я откровенно игнорируя вопрос своего новичка, хоть это и непрофессионально с моей стороны.

– Я за свою работу хирургом насмотрелась всякого. Пока замещала коллег в отделении неотложной помощи, кого только не привозили, – отвечает Джен, крутит в руках стаканчик с кофе. И я ей благодарен, потому что Эдди вроде как удовлетворил ответ. А вот от пытливого взгляда Сойера укрыться не удастся. Молча ему даю понять, что расскажу позже. Хоть и совершенно не хочу этого делать, Брайану тоже расскажу, но возьму с них слово не трепаться больше нигде об этом. Узнали и тут же забыли.

– В общем, я бы сказала, что человек наслаждается процессом, как...

– Маньяк? – Заканчивает Эдди.

Джен положительно кивает и откидывается на спинку своего стула. Приехали. Мафия Уайатта взяла в оборот маньяка?

– Типа того, но я бы не назвала его истинным маньяком. Я бы сказала, что у него какое-то психическое расстройство. Маньяки обычно выслеживают жертву, убивают и дальше живут спокойно до следующего преступления. Или же действуют инстинктивно, не всегда заранее готовятся к нападению. Этот же будто завершает свою работу, ставя подпись. Но она настолько скрыта, что не сразу бросается в глаза в прямом смысле этого слова. Ему ведь дают задание убить. Эти все девятнадцать человек, включая Кару, не случайные жертвы. И даже не им выбранные. Он просто выполняет свою работу.

– Ну да, по сути они нарушили договор и сдавали своих или что-то рассказывали про подпольные игры, – протягивает Брайан, что-то помечает в своем блокноте.

– Я совсем не рассматривал такой вариант. Уайатт обзавелся психопатом, который буквально по звонку убивает нужного человека, – говорю я.

Умолкаю, и воцаряется долгая гнетущая тишина. Лоусон мне такого не рассказывал. И либо ему не до конца еще доверяют, и он не видит, что происходит, либо же он от нас

что-то скрывает.

– Может вам стоит поговорить с вашим агентом? Как его там? Лоусоном! – словно читает мои мысли Джен. – За два года можно многое заметить. Разговоры, новых приходящих людей, смена шестерок.

– Где же вы скрывались, Доктор Майер? Вас так не хватало в нашей команде, – Сойер снова включил режим оболъстителя и улыбается во все свои тридцать два. Мне это не нравится. А еще не нравится, как тепло улыбается в ответ ему Дженнифер.

– Да так... – уклончиво отвечает ему Джен.

Брайан, видя мой свирепый взгляд, толкает локтем Сойера, а тот лишь ухмыляется. Специально меня выводит, засраонец. Это мы знаем, что Сойер глубоко женат еще со времен первого курса Полицейской Академии и воспитывает троих малышей. И знаем его характер, что если мой друг что-то себе придумал, то добьется любыми способами. Решил, что мне нужна подружка. Сойер знает, что я ведушь на эмоции, если я равнодушен к ситуации, даже если я надеваю маску спокойствия и безэмоциональности. Но я определенно равнодушен к Джен, пора признать.

– Не ревнуй, Райт, – он еще и смеет ржать на пол кабинета. – Это только твой эксперт, понимаю, – он так сильно выделяет слово “твой”, что мне хочется запустить в него папкой с документами.

Джен продолжает улыбаться Сойеру и Брайану. Уверен,

она все правильно поняла, но продолжает делать вид, что ничего не происходит. Новичок и два моих детектива выходят из кабинета, нам всем есть над чем подумать. И обязательно надо встретиться с Лоусоном. Пока я думаю об этом, мы остаемся с Джен наедине. Ей идет сидеть в моем кресле. Только сейчас она выглядит отстраненной. Хотя еще минуту назад пересмеивалась с Сойером.

– Это тяжелее, чем я думала, – наконец говорит она.

– Ты – молодец, подала нам в разработку хорошую версию.

– Не я, так кто-нибудь другой бы заметил эти отметины.

– Но заметила ты, – я подхожу ближе к столу и сажусь напротив нее.

– Эти невинные люди не заслужили такой участи.

– Насильно их никто не загонял к Уайатту, в этом проблема. Они сознательно шли на этот шаг. Беда в том, что они думали выйти из игры, сдав с потрохами мафию. Но еще никому не удавалось этого сделать.

Джен потирает переносицу двумя пальцами, прикрыв глаза. Я бессовестно рассматриваю ее. Гладкая кожа, украшенная нежным румянцем, идеально сочетается с ее вздернутым носиком и ямочкой, которая появляется только от улыбки. Все это придает ей особое очарование.

– Я думал, в конце ты веселилась, – бормочу я.

– Я тебя умоляю, этот жест лишь отрепетированная годами очередная вещь, чтобы меня не посчитали сумасшедшей.

– Ты когда-нибудь расскажешь мне, что там с тобой случилось?

Джен замирает буквально на мгновение, но потом снова берет себя в руки.

– Послушай, Райт. Уверена, мы все что-то теряли. Кто-то в большей или меньшей степени. Я видела в твоих глазах боль, когда ты был в неотложке и ждал Кару. Сомневаюсь, что ты заранее так горевал по ней. Но мы с тобой не друзья, ты не мой психотерапевт. Давай договоримся: я не лезу в душу к тебе, а ты ко мне. Вспоминая о призраках прошлого, легче не станет.

Не то чтобы я ждал сейчас каких-либо откровений, но стало немного неприятно. Джен мне не доверяет. А я так и не дал повода думать обратное.

Глава 15

Дженнифер

Выйдя из участка, я отправилась домой. Но решила в этот раз пройтись и зайти на фермерский рынок. Моя тыква для супа испортилась, я так ничего и не приготовила. Но теперь у меня есть свободное время, а значит я могу перестать питаться в забегаловках хотя бы неделю. Стоит купить еще немного капусты для моей безымянной крошки. Или яблок.

Я полдня прослонялась по квартире, не зная чем себя занять, и снова вышла на улицу. Дождь закончил моросить, но серость никуда не ушла. После того, как меня держали в пустой бетонной камере, у меня дикая неприязнь к этому цвету. Когда я вернулась в Штаты, я не могла спокойно находиться на солнце. Паника и слезы душили меня каждый раз, едва луч касался кожи. Я так отвыкла от этого, и была к тому же абсолютно уверена, что больше никогда не увижу небо или не почувствую капли дождя. Один раз, когда шел ливень, я просто сидела на подъездной дорожке полчаса в одной майке и джинсах, пока отец не уговорил меня вернуться в дом. Это было так давно по ощущениям, что словно не со мной.

Я настолько погружена в свои мысли, что когда упираюсь взглядом в вывеску букинистической лавки, не понимаю, как

ноги меня принесли сюда. Я любила этот книжный магазинчик. Когда только переехала в Нью Йорк, была здесь частым гостем. Даже познакомилась с владелицей Миссис Марджери, которая жила в уютной однокомнатной квартирке над магазином. Она заваривала каждый раз какой-то невероятный травяной чай и пекла воздушный пирог с персиками. Несмотря на свою отстраненность, с ней я чувствовала себя хорошо. Как дома. Она была гораздо старше моей мамы. И была единственным человеком помимо моих родителей и родителей Адама, кто знал о моей ситуации. Один раз я поделилась с ней, сама не знаю, почему. Но когда я доверилась и рассказала ей, будто весь груз, который я носила на своих плечах, мигом испарился. Как минимум на некоторое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.